

БОГИ КАК ЛЮДИ

КРУГИ НА ВОДЕ

яна ткачѐва

КомпасГид
издателски дом

Яна Эдгаровна Ткачёва
Круги на воде
Серия «KompasFantasy»
Серия «Боги как люди», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68002518

Я. Э. Ткачёва. Боги как люди. Книга первая. Круги на воде: ООО

«Издательский дом «КомпасГид»; Москва; 2022

ISBN 978-5-00083-778-8

Аннотация

«Круги на воде» – первая книга дилогии «Боги как люди» Яны Ткачёвой. Эта история начинается с земных проблем, но разворачивается в эпическую борьбу между богами и столкновение разных миров.

Ягишна думала, что больше никогда не сможет быть счастливой: возлюбленный Владан убит, родной деревни больше нет, и каждый новый день приносит лишь страдания. Эта скорбь могла бы длиться долгие годы, но Ягишна узнала, что Владана можно вернуть из мертвых. С помощью новых друзей – Мары и Калена – девушка проводит тёмный и забытый всеми обряд крови...

С боли, страданий и любви этих людей начинается великая битва, которая затронет все миры и продлится не одно

тысячелетие. В борьбе за место Верховного Бога Перун предал Велеса и обманом захватил власть. Их битва закончилась Великим Расколом. Однако война продолжается. Велес хочет отомстить брату и свергнуть его, а потому собирает соратников для нового боя: Ягишна и Владан, Мара и Кален – все они верят ему и готовы сделать многое, чтобы после Великого Раскола мир вновь вернулся в равновесие. Удастся ли героям забрать власть Перуна над мирами? И какую цель на самом деле преследует Велес?

Содержание

I. Магия крови	9
1. Год 42 от Сотворения Столпов	9
2. Год 43 от Великого Раскола	13
3. Год 43 от Великого Раскола	16
4. Год 16 от Сотворения Столпов	21
5. Год 43 от Великого Раскола	25
6. Год 43 от Великого Раскола	30
7. Год 25 от Сотворения Столпов	33
8. Год 43 от Великого Раскола	40
9. Год 43 от Великого Раскола	43
10. Год 43 от Великого Раскола	46
11. Год 42 от Великого Раскола	51
12. Год 43 от Великого Раскола	62
13. Год 44 от Великого Раскола	68
II. Первородный	86
1. Год 423 от Сотворения Столпов	86
2. Год 439 от Великого Раскола	94
3. Год 445 от Великого Раскола	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Яна Ткачёва

Боги как люди. Книга первая. Круги на воде

© Ткачёва Я. Э., текст, иллюстрации (форзац, нахзац),
2022

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2022

* * *

Книга-калейдоскоп. Книга-эксперимент. Автор разбирает конструктор известных мифологий и смело собирает новый мир. Узнаваемые детали и неожиданные решения. И сквозной линией – большая любовь, тонущая в большой ненависти, меняющая судьбы героев, как брошенный камень меняет спокойную гладь озера кругами на воде.

Снежана Каримова, писательница

Всегда страдают простые люди, когда между собой воюют Боги. Невероятная история, основанная на славянских мифах и русских сказках! О том, на что готовы люди ради своих любимых. О том, на что готовы Боги ради силы и славы. О предательстве самых родных и доброте незнакомых.

@lenatalinaa, книжный блогер

*Насте Капитошке и Ксюше Хан
Спасибо, что пригласили меня на границу миров.
Именно там я переродилась из человека
обыкновенного в творца новых вселенных.*

*Вселенная, созданная в данной книге, является альтерна-
тивной и практически не перекликается с историей нашего
мира.*

Время
Старых Богов

Ночь Великого Раскола

16 г. Мара встречает Калена

Мара и Кален 25 г.
низвергнуты на землю

44 г. Ягишна и Владан поступают
на службу к Велесу

Создание клана 424 г.
Путешественников

445 г. Кален дарит Улаку покой

Мара, Кален, Ягишна 334 г.
и Владан начинают жить
среди людей

857 г. Суд над Сва и её дочерями

Создание Игры 861 г.

1903 г. Разрушение Игры

Появление 1903 – 1907 гг.
учения
о Единбожии

1909 г. Угасание язычества,
становление новой религии

Новое Время

I. Магия крови

1. Год 42 от Сотворения Столпов

Царила по-особенному темная октябрьская ночь. Такие случаются лишь раз в году, когда рябь идет по воде мироздания, приоткрывая завесу между мирья. В ночи, подобные нынешней, богобоязненные люди сидят по избам, готовят подношения и ждут в гости почивших предков, зажигая на окне приветственную свечу. Добрые люди носа не кажут на улицу в такую ночь – и тем более не прогуливаются по лесу. Но мужчина в длинной накидке, с кошачьей грацией следующий по тропе, добрым не был. Да и человеком назвать его было бы ошибкой.

Всюду, где ступала нога незнакомца, ночь смолкала, затаив дыхание. Луна, боязливо выглянув из-за облаков, мельком осветила когтистые руки-ветви деревьев и вновь поспешно скрылась из виду. Облик мужчины не был пугающим или хоть сколько-то опасным, но живность, приняв хавшись, бросалась врассыпную. Хозяин не в духе. Хозяин спешит. Не стоит попадаться под горячую руку.

Незнакомец замедлил шаг, а после и вовсе шагнул с тропы в самую гущу леса. Из темноты раздался оклик. Определенно, это была встреча двух давних знакомых, не обремененных

ненных дружбой.

– Я долго тебя ждал, – голос второго собеседника был недовольным: ни намек на почтительность.

– Видишь ли, не всем досталась роскошь свободно ступать куда заблагорассудится, – невесело усмехнулся мужчина в накидке.

– Я понял твой замысел. Знаю, чего хочешь. Мне это не по душе, – теперь в голосе собеседника слышалась явная неприязнь.

– Как вы, люди, любите престранные выражения, которые не имеют никакой связи с реальностью. Тебе вообще ничего не может быть по душе, – хохотнул наш незнакомец, словно ему удалась какая-то хорошая шутка. – И, заметь, в этот раз ты первый заговорил об этой твоей душе.

Собеседник не ответил, лишь воздух с шипением вырвался сквозь стиснутые зубы. Дурного расположения духа своего знакомого мужчина в накидке, казалось, не замечал. Твердой походкой, словно знал здесь всё назубок, он неспешно прошелся взад-вперед между деревьев. Из-под полы темной накидки вынырнула ладонь и заскользила по шершавой коре. Луна, не выдержав, любопытно высунула бок из-за тучи, осветив поляну, где всё так и дышало ненавистью одного и веселой пренебрежительностью другого. Подул легкий ветерок, капюшон накидки упал на сильные стройные плечи, и показалась рыжая как огонь шевелюра. Мужчина обернулся, ноздри его дернулись, жадно втягивая ночной воздух, а глаза

впились в лицо высокого светловолосого парня.

– Ничего ты не понял, милый мой, – сказал огненноволосяый. – Жаль, что пока ты не видишь дальше своего носа. Ума не приложу, что же она в тебе нашла...

Светловолосый дернулся, будто его ударили.

– Надеюсь, ты со своими коварными планами провалишься в тартарары! – выплюнул парень.

– Сколько чувства, – вздохнул мужчина. Он со скучающим видом потерябил под подбородком застёжку накидки, которая в лунном свете сверкнула яркой вспышкой, а после продолжил: – Придется пожить на погосте какое-то время. Ты знаешь, что делать. Выполняй.

– Только потому что у меня нет выбора, – с болью прошептал парень.

– Как удачно для меня, – устало вздохнул мужчина в накидке, – что у тебя нет выбора, Кашей!

Парень вскинулся, готовый выплунуть злые слова в лицо ненавистному собеседнику, но того и след простыл. Юноша со стоном опустился прямо на траву и вцепился в волосы. Раскачиваясь, он как заговоренный шептал:

– Будь ты проклят! Будь проклят!

Мужчина в накидке наблюдал исступление недавнего собеседника через просвет в густых ветвях деревьев.

– Ох, тут ты опоздал, малыш, – беззвучно прошептали губы рыжеволосого, и луне на миг показалось, что перед ней суший старик, – до того му́ка исказила красивые черты ли-

ца. – Я проклят уже давно.

2. Год 43 от Великого Раскола

Меня вырвало из небытия так внезапно, что вначале я даже не поняла, где нахожусь. Но через секунду обрушилось – будто на меня ушат ледяной воды опрокинули – осознание. Скользя по грязи руками и ногами, я попыталась продвинуться вперед, пока ладони не ткнулись в родное.

Он был мертв. Я знала это. Даже не прикладывая голову к *его* груди. Чувствовала, что здесь больше нет жизни. Всё было мертво.

Только дождь продолжал лить. Почему мир не остановился вместе с любимым сердцем? Как все вокруг может идти своим чередом, если моя жизнь разрушилась? Я не чувствовала ничего, кроме своего мокрого одеревеневшего замерзшего тела. Меня обступал любимый лес, но я больше не ощущала связи с ним. За спиной покоилось то, что когда-то служило домом. Здесь было счастье и безопасность. А сейчас – только смерть и тишина.

Я всё же приложила голову к *его* груди. Не для подтверждения, а чтобы быть ближе. И закрыла глаза.

Утро не принесло облегчения. Я всё еще была здесь. Дышала. Жила.

Наклонив голову, я рассматривала *его* лицо в скудных светлых лучах. С тех самых пор, как нам минуло по девять зим от роду, *его* лицо, обращенное ко мне, всегда было на-

полнено светом и любовью, озарено хитрой улыбкой. Сейчас же *его* лик выглядел спокойным. Бледным, умиротворенным.

Возьми меня с собой – молилась я про себя.

Время текло по капле; солнце, очерчивая небосвод, отмеряло этот день. Я подняла руку и приложила к *его* щеке. Холодная, как земля под нами.

Мне не хотелось никуда уходить. Можно ли навсегда остаться здесь?

Можно зажечь погребальный костер, Ягишна.

Погребальный костер. Это было правильно. Таковы наши традиции. Но я не могла представить, что *его* прекрасное мужественное лицо превратится в золу, а мне останутся лишь кости. Так быть не должно. Я не смогу вынести еще и *это*.

День клонился к закату. Первый день или второй? Я не знала. Пришлось подняться с земли, одежда была влажной, местами даже задубевшей от ноябрьского холода. В это время солнце светит, но не греет. Сходив в то место, которое раньше звала домом, я принесла всё необходимое. Это не было просто. *Разрезать и вынимать*. Чувствовалось, будто и я внутри стала пустой, полой. Мертвой.

Втирать и намазывать маслом было почти терпимо. Как последняя ласка. Для савана я выбрала ткань, которую собственными руками ткала для жизни с *ним*. Теперь всё было готово. Переложила *его* на телегу. Не выдержав, отвернула угол савана, чтобы видеть лицо. Столько времени, сколько

мне будет позволено.

Нужна лошадь. И я знала, что в *ту ночь* здесь были лошади, которые в ужасе разбежались. Повернулась кругом, вглядываясь в родной лес. Несмотря на ночные заморозки, вокруг уже отчетливо пахло мертвечиной, и я окинула взглядом остальных.

Собаке – собачья смерть.

Я позвала лошадь; должна услышать хотя бы одна. Мягко, извиняясь, я потянулась сознанием во все стороны, пытаюсь не напугать. Через несколько мгновений раздалось взволнованное ржание. Мне нужна помощь, и эта помощь будет оказана.

Из-за деревьев выступила кобыла в яблоках и послушно потрусил ко мне, доверчиво ткнувшись мордой в плечо. Я, легко потрепав ее за гриву, запрягла в телегу и села на вожжах. Лошадь резво двинулась по дороге, повинувшись моей беззвучной просьбе, оставляя за спиной то, что когда-то было жизнью.

3. Год 43 от Великого Раскола

Как долго придется ехать, я не имела понятия. Во всех деревнях и селениях, которые я посещала, никогда никого не хоронили. Это было запрещено. Словно закричать на весь мир, что ты всё еще верен павшему богу. За такое можно сгореть на костре вместе со своим покойником.

Но я слышала шепотки бабки и матери, когда они были еще живы. О людях на севере. О сохранившихся погостах. Я смогу добраться туда. Зима еще не вступила в свои владения – лишь приветствовала мир в очередной раз.

Прошла ночь, день и еще ночь в дороге. Моя одежда будто высохла, но я не была уверена. Казалось, что холод, поселившийся в грудной клетке, распространился до кончиков пальцев. Я почти ничего не чувствовала. Даже не ощущала вожжи в руках. Мои когда-то шелковистые и густые волосы повисли замерзшими сосульками и закрывали обзор, но, чтобы убрать их, необходимо было поднять руку. Да и зачем? В этом не было смысла. Больше ни в чём не было смысла.

Кобыла остановилась. А я не просила. Я подумала, что нужно двигаться дальше, но мысли текли в голове так вяло, и животное, упрямо дернув головой, заржало. Это был резкий и громкий звук после нескольких дней тишины. Мне не хватало воли приказывать лошади. Я, если честно, уже не совсем помнила, *что именно* искала и куда ехала. Мож-

но остаться и здесь – нужно только лечь в телегу. Тогда буду рядом с *ним*. Так просто.

Слева что-то мелькнуло. С трудом повернув голову, я заметила небольшой огонек, который постепенно приближался. Мой разум настолько окоченел, что не сразу преобразил огонек, скачущий над землей, в лучину в руке человека. Просто моя лошадь остановилась у чьего-то жилища, только и всего. Обеспокоенный хозяин вышел поинтересоваться, в чём тут дело. Но какое может быть жилище – здесь? Ни один добрый человек не поселится на дороге.

Мягкий ореол света выхватил из темноты фигуру. Это мужчина, довольно молодой и с приветливым выражением лица. Я осознала, что продолжаю просто молча смотреть, хотя он подошел почти вплотную к повозке. Лошадь дружелюбно повернула к нему голову и ласково фыркнула.

– Я могу чем-то помочь? – спросил мужчина. Голос у него был успокаивающий, он хотел показать, что бояться нечего, не ведая, что мне вообще больше было нечего бояться.

– Кобыла заупрямилась, – просипела я. Это были первые слова после криков *той* ночи, и мое горло всё еще саднило.

– Ты ее пугаешь, Кáлен, – раздался мелодичный голос, и в круг света вступила девушка. Она подошла к кобыле и нежно провела по крупу ладонью, замотанной во что-то наподобие рукавицы.

– Я так давно не видела лошадей, – сказала она, а потом засмеялась.

Это звучало даже не странно, а немного пугающе. Но мне было всё равно. Разбойники они или парочка сумасшедших – дела нет.

– Я ищу поселения, рядом с которыми сохранились погосты, – я постаралась, чтобы речь была внятной. Длинные фразы давались трудно, приходилось выталкивать слова. Бабушка пришла бы в ужас, что я сказала *такое* совершенно незнакомым людям.

– Погост прямо за моей спиной, – оживился молодой человек, которого девушка называла Каленом, – мы живем прямо у погоста.

– Кален хотел сказать, что он смотритель. Устраивает погребения. Такая работа, – пояснила девушка.

Наверное, я заехала слишком далеко на север. Смотритель погоста? Вот уж да. Живой смотритель погоста? Вот уж да дважды. Где толпа с вилами и огнем, готовая покарать его и эту странную девушку?

– Я бы хотела узнать о погребении. Мне... – я не смогла продолжить, голос сорвался на хрип. Да и смотрителю это не было нужно. Заглянув внутрь телеги, он кивнул и скрылся из виду, унося источник света.

– Он за носилками, – пояснила девушка, бесшумно передвигаясь в темноте. – Люди зовут меня Мара, – почти пропела она мне в самое ухо.

Я не слышала, как она забралась на телегу, но кивнула. Потом сообразила, что в темноте вряд ли она бы это увидела.

Вернулся зритель, завозился, устраивая носилки в телеге.

– Возможно, стоит провести погребение на рассвете? Каково твоё желание? – в его голосе слышалась осторожность.

– Не стоит тянуть, мы долго ехали, – я удивилась, насколько безучастно прозвучал мой голос.

Кален запрыгнул в повозку и принялся двигать *его*. Он был очень аккуратен, но мне это было невыносимо. С трудом развернувшись, стала помогать. Худшая из всех существующих пыток.

– Мы с Марой обычно относим сами, – тихо сказал зритель.

– Нет, я хочу нести, – от страха, что придется отпустить *его*, я дала петуха.

Подъём на холм смешался в одно темное пятно. Кален принимал на себя большой груз, я бездумно перебирала ногами в грязи, пытаясь помогать нести, а не мешать. Сознание ускользало и прояснялось, словно я пыталась покинуть это брэнное тело, но когда почти получалось, то возвращалась против собственной воли. Мара с лучиной шла позади нас. Прибыв на место захоронения, я опустилась на землю рядом с *ним*. Кален принялся возиться с ямой, а я ощупывала землю вокруг. В свете лучины видно было плохо. Будет ли *ему* здесь уютно? Вырастет ли здесь по весне трава, согреет ли это место солнечный свет, который летом рассыпал по *его* коже веснушки? Опадут ли листья в пору сбора уро-

жая? *Он* любил листья разного цвета – говорил, что это чудо матери-природы.

– Мара, уже пора, – голос Калена был странно приглушен.

Я заметила, что он выглядывает из глубокой ямы. Мы с девушкой подвинули носилки ближе к краю, и Кален принял *его*. Аккуратно и бережно. Мне хотелось тоже быть там.

Выбравшись из ямы, смотритель принялся забрасывать землей тело. Я сказала это. «Тело». Всё происходило слишком быстро, я уже не видела очертания *его* фигуры. Через мгновение это была только земля. А еще через миг – возвышающийся над ровной поверхностью свежий холмик. Я тихо легла сверху. Просто чтобы быть рядом.

Земля между мной и *им* казалась непреодолимым препятствием. Больше не будет *его* пальцев в моих волосах, теплого поцелуя, руки в руке. Это было нестерпимо. Я закрыла глаза, и мрак поглотил всё.

4. Год 16 от Сотворения Столпов

Девочке на вид было около семи или восьми зим. Она стояла босыми ногами на мосту, перекинутом через полноводную реку. Воды были черные и буйные, а там, где река выливалась из берегов, всё живое умирало. Деревья словно пытались спастись бегством, и пустоты зияли меж наполовину вырванных из земли корней. Словно надеялись перебраться подальше от обещающей смерти воды. Девочка ходила взад-вперед по мосту и выглядела так, будто умирала от скуки. Легкий ветер чуть шевелил ее длинные черные волосы, а полы длинного белого платья хлопали по худеньким ногам, когда она подпрыгивала у схода с моста и пускалась в обратный путь.

От моста расходились две дороги. Со стороны деревьев-беглецов был светлый день, а по другую сторону реки стелился туман, ничего не разглядеть. В конце дороги, что на ясной стороне, показалась фигурка. Завидев ее, девчушка застыла на месте, а после приосанилась и спустилась с моста со стороны гостя. Гостем оказался тощий мальчишка неопределенного возраста. Росту в нем было достаточно, но худая шея и тонкие светлые детские кудри выдавали, что зим ему было вряд ли больше, чем девочке.

Не дойдя до моста около десяти шагов, мальчишка остановился и настороженно зыркнул на девчушку. Одет он был

просто: в замызганную рубашу и темные штаны не первой свежести.

– Ты чего здесь стоишь? – деловито осведомился мальчик, но голос дрогнул от волнения или, скорее, от страха.

– Жду, – тихо ответила девочка. Она с любопытством рассматривала мальчика, словно никогда не видела таких.

– Странный сон, – возмущенно продолжил ее собеседник, не обращая внимания на пыливый взгляд. – Мы же с мальчишками в реке купались. И тебя я никогда в деревне не видел. Не знал, что, бывает, снятся незнакомые люди.

– В реке купались? – удивленно спросила девочка и опасливо покосилась на бурные воды за своей спиной. – А в Смородине купаться нельзя. Папа сказал, что это река не для купания.

– Ну-у-у, у нас река не такая, – важно заявил мальчик. – У нас воды чистые, и мы в лапту придумали в воде играть. Точнее, это не совсем лапта, что-то похожее. Ай, долго объяснять, тем более девчонки в этом не понимают ничего.

– Я таких игр и не знаю, – задумчиво ответила девочка и неуверенно провела босой ступней по земле. – Интересно, это потому что я девчонка?

– Лапту не знаешь?! – вскрикнул гость, выпучив глаза. От удивления страх его улетучился. – Это же откуда ты?

– Тише, чего кричишь так громко! – испуганно заозиралась девчушка, но, кроме этих двоих, вокруг никого не было.

Девочка опасливо вглядывалась в туман по другую сторо-

ну реки несколько мгновений, а после облегченно выдохнула и повернулась к мальчику.

– Не кричу, не кричу, – буркнул малец, а потом вдруг, спохватившись, обтер ладони о штанины и, кашлянув, протянул руку девчужке. – Меня люди зовут Осьмым.

– Люди зовут? – удивленно спросила девочка, непонимающе глядя на ладонь мальчика.

– Да. Не ждешь же ты, что я с ходу таки прям тебе имя свое скажу, – отрезал он.

– Ах это чтобы Морена не нашла тебя, нужно давать каждому прозвище и не называть настоящее имя, – спохватилась девочка и, коротко рассмеявшись, добавила: – Я слышала что-то подобное.

От ее смеха глаза Осьмого расширились, и он некоторое время с потерянным видом смотрел на преобразившееся от улыбки лицо своей новой знакомицы. Но через мгновение лицо мальчика недоверчиво вытянулось, словно он только сейчас осознал сказанное. На девочку он старался больше не смотреть.

– Ты такая странная... Лапту не знаешь, – настороженно произнес Осьмой. – В каких краях ты живешь?

– Далеко от твоих, – заверила его девочка и тут же представилась, но руки в ответ не протянула. – А меня люди зовут... Зимой. Меня называют Зимой.

– Это потому что ты в сильные морозы родилась? – радостно угадал мальчишка, широко улыбнулся и снова во все

глаза уставился на девчонку. – Я-то ведь тоже без загадки, восьмым по счету подошел в семье.

Зима, не слушая Осьмого, наклонила голову, будто прислушиваясь к чему, а потом взволнованно прошептала:

– Тебе пора уходить, уходить пора, – ее лицо стало испуганным, от приветливого выражения не осталось и следа.

– Что случилось? – нахмурился мальчик. Ему не нравилось, что Зима перестала улыбаться. Он почему-то хотел смотреть на нее снова и снова. – Не хочешь дальше говорить? А я думал, что мы почти подружились.

– Да, но сейчас тебе пора, ты больше не можешь здесь оставаться, – замахала руками Зима, избегая касаться Осьмого. Его протянутая рука так и осталась висеть в воздухе.

– И как же я, по-твоему, уйду из этого странного сна? Не хочешь дружить, потому что я мальчишка, да? – обиженно протянул Осьмой. Отдернув ладонь, мальчик сложил руки на груди и насупился. – Вот всегда с вами...

Но договорить он не успел, потому что Зима соединила ладони лодочкой и подула в сторону нового друга. Осьмой возмущенно вскрикнул, но сделать ничего не успел, растворившись в воздухе.

5. Год 43 от Великого Раскола

Руки укачивали меня почти с материнской нежностью. Покинув мир странного сна, я пыталась осмыслить, что происходит. Куда я ушла, почему не на холме, не вместе с *ним*? Вряд ли что-то заставило бы меня покинуть место захоронения добровольно.

– Она очнулась, – раздался мужской голос. Я где-то его уже слышала.

– Знаю, – я услышала женский голос и почувствовала его не только звуком, но и вибрацией у своего уха. Дернувшись, я распахнула сухие, без единой слезинки, уставшие глаза.

Меня баила на руках эта вчерашняя странная девушка. Забыла имя... Она сидела рядом. Мои плечи покоились на ее коленях, а голова была крепко прижата к ее груди. Девушка обнимала меня закутанными в ткань ладонями и укачивала. Мне казалось, что в отдалении я даже слышу легкую мелодию колыбельной из моего детства. Я увидела только подбородок и чувствовала слои и слои одежды на девушке. Сквозь них утешающие объятия были почти терпимы. Не думаю, что выдержала бы сейчас прикосновение к коже. Это и в обычное время довольно неприятно с малознакомым человеком.

Зрение всё еще было нечетким после сна, я попыталась оглядеться, силясь понять, как сюда попала. Повернув голо-

ву, наткнулась на спутанные светлые волосы и внимательный взгляд желтых глаз. Эти волосы напомнили другие, и пальцы дернулись в память о маленькой ласке, которую я всегда могла подарить. Казалось, это было так давно. Смотритель продолжал буравить меня обеспокоенным взглядом.

– Я хочу вернуться туда, – мой голос по-прежнему был хриплым.

– Возможно, ты захочешь поесть и привести себя в порядок, – заметил смотритель. – Мы отведем тебя позже. Ты несколько дней провела в бреду. Не лучшее решение – возвращаться в ночной холод на погост.

– Я, Велес тебя забери, хочу вернуться, – зло сказала я. Кален поморщился.

– Отведу, – пропела девушка, ее живой голос начинал серьезно раздражать.

Она мягко отодвинула меня и поднялась со скамьи, на которой укачивала мое больное тело в своих объятиях. Ее движения были настолько уверенными и плавными, что я не сразу сообразила, что глаза невидяще смотрят в одну точку. Красивые глаза, но бесполезные.

– Я не думаю... – начал мужчина.

– Не уверена, что здесь подходят разумные доводы, Кален, – девушка всплеснула замотанными руками. Это было что-то странное на ее ладонях, раньше я такого не видела. Будто рукавицы, но облегающие каждый палец в отдельности. Еще мне явно было слышно, что она бормочет: «Велес

тебя заberi. Хм... Велес тебя заberi».

Я ждала, пока она возьмет посох, с которыми обычно ходят слепцы, но она лихо развернулась и решительным шагом безошибочно проделала путь до двери. Скрипнули петли.

– Ты идешь? – она повернула лицо в мою сторону, словно отдав дань вежливости, потому что в ее случае это было бесполезное движение. Подскочив со скамьи, я пошатнулась, и пол вздыбился мне навстречу. Кален с готовностью протянул руку, но я шарахнулась от нее, словно испуганная кобыла. Вцепившись в бревенчатую стену дома, сделала несколько неуверенных шагов. Все тело налилось болью. Она не шла ни в какое сравнение с той, что терзала мое несчастное кровоточащее сердце, но всё же неприятно.

Мара уже скрылась на улице. Я силилась поспеть за ней. Она шла между валунами и камнями погоста настолько споро, что я не могла угнаться. Несколько раз ей приходилось ждать меня. Мое тело было слабым и не желало подчиняться, но девушка не торопила. Наконец спустя вечность мы пришли.

Я опустилась на колени, подползая ближе, обнимая возвышение земли руками. Одежда вновь пропиталась грязью. Холм земли был влажным, а у его основания собралась вода. Я словно сидела в луже. Но мне было всё равно.

– Дождь шел всё время, пока ты была больна, – тихо заметила Мара. – Можешь оставаться здесь столько, сколько потребуется.

И я почувствовала, что она говорит не только о могиле, на которой я лежала.

Так потекли дни. Я приходила, ложилась на холмик и безучастно смотрела вдаль. Я вдыхала и выдыхала мелкими рывками, потому что всерьез опасалась, что при более глубоком вдохе края огромной рваной раны внутри меня лопнут, а еще больше боли просто не вынести. Я ненавидела время, которое неумолимо отдаляло от тех дней, когда у меня была жизнь.

К наступлению темноты приходила Мара и уводила меня в дом. Я даже помню лохань с горячей водой и чистую одежду, что порой появлялись, но в остальном – только пустота.

В один из дней, опустившись на любимый холм, я почувствовала, как острые холодные иглы впились в мою щеку. Удивленно подняв голову, я осознала, что все вокруг стало белым. Земля замерзла намертво, небо окрасилось в светло-серый, а нижние ветви елей, придавленные снегом, тяжело провисли почти до самой земли. Ветер был злым и время от времени швырял мне в лицо колючие пригоршни ледяной крупы. Когда Мара вернулась за мной в холодной темноте, я спросила:

– Какой сейчас день?

– Зимнее солнцестояние было сорок пять дней назад, – задумчиво промолвила она, – снег в этом году припозднился. Должен был давно уже лечь.

Осознание того, что уже наступил последний месяц зимы

и с той ночи прошло три луны, напугало. Мне казалось, что, быть может, всего несколько дней отделяют меня от него, живого и смеющегося. Я попыталась воскресить в памяти любимое лицо и с ужасом поняла, что ничего не выходит. Жизнь утекала из меня, я переставала помнить. Я начала задыхаться, царапая лицо о тонкую кромку подмерзшего снега.

Мара присела рядом и ободряюще сжала мое плечо.

– Горе всегда крадет время, – проникательно заметила она.

– Что за проклятые штуки ты носишь на руках? – не знаю, почему вопрос вырвался именно сейчас. Прошло три луны, а я даже не помню, знает ли она хоть что-то обо мне.

– Это носит название «перчатки», Ягишна, – Мара произнесла незнакомое мне слово со смешком, немного напевно. Она знала мое имя, а не только то, что я имею привычку лежать на могиле и выражаться, как не пристало девушке из приличного рода.

6. Год 43 от Великого Раскола

Мара теперь следила, чтобы я меняла одежду на чистую каждый день. Скамья в углу избы, ставшая моей постелью, была прилежно застелена. Комья грязи, которыми я пачкала простыни прежде, исчезли. Я помогала Маре или Калену носить воду для мытья и нагревать ее на печи. Волосы теперь легко расчесывались, и я вновь стала заплетать их в косу. Но все мои дни принадлежали *ему*.

Природа за порогом избы неистовствовала. Стало так нестерпимо холодно, что каждый вдох отдавал острой болью. Мягкий снежный покров сменился ледяной коркой, и ветра пронизывали погост со всех сторон. Мара рассказала, что ветра дуют в разных направлениях и этих направлений много. Она говорила что-то про розу и ветер, но звучало как нелепица. Вообще-то как нелепица звучала добрая половина из того, что говорила эта девчонка. Как могут быть связаны розы и ветра? А вот связь времяпрепровождения на морозе и утробного надсадного кашля для меня была очевидна.

На исходе первого месяца весны, который сложно было даже отдаленно назвать весенним, кашель стал таким сильным, что очередным утром скрутил меня пополам и из горла вырвалось что-то мокрое, шлепнулось на оледенелую белую землю и окрасило ее ярко-красным. Я поспешно притоптала след, хотя Мара и не могла увидеть.

На следующий день у меня не получилось встать с кровати. Я в ужасе хрипела на подушках. Как же я доберусь до него, если не могу встать? Калена не было в избе – он занимался очередным захоронением. Люди ехали к нему, бывало, по нескольку дней, чтобы не предавать своих любимых огню, поэтому работы у него было в избытке. Мне думалось, старейшин поселений сильно заинтересовало бы количество тех, кто преступает закон и поклоняется павшему богу. Оказалось, традиции можно запретить – но не вытравить. Даже за сорок лет. Я бы посмеялась этой злой шутке, если бы мне не было так плохо. В избе была только Мара, возилась у печи. Когда я в очередной раз села, исходя потом, она быстро подошла ко мне и мягко толкнула обратно на скамью. Я обессиленно повалилась, воздух со страшными хрипами выходил из груди. Но мне было не настолько плохо, чтобы жалеть себя.

– Я слишком долго терпела твое упрямство, – Мара бесцеремонно пихнула мне под нос чашку с вонючим отваром, – пей, из дома не выйдешь, пока не перестанет идти кровь.

– Ты проклятая ведунья, – прохрипела я между приступами кашля. Я не хотела лечения. Как она узнала про кровь?

– Как это узко и твердолобо, Ягишна, – насмешливо произнесла она. – Как по-деревенски – относиться с предубеждением к любому лечению. И тебе ли обвинять меня в ведовстве?

Ее слепой взгляд был совершенно невинным, но я отчет-

ливо слышала, как именно она это сказала. Не обращая внимания на мои попытки сопротивляться, Мара ловко наклонила кружку, и теплая жидкость полилась по моему горлу, ободранному кашлем до ссадин. Тело предало меня и с радостью приняло лечение. Но слова Мары не давали покоя. Она меня не проведет. Все эти ее странные знания и умения вызывали тревогу, будто я что-то упускаю. Я усилием воли прекратила глотать варево Мары и вдохнула, чтобы возразить, но тут же поперхнулась и закашлялась.

– Ты... что-то ты... – я упрямо давила из себя слова, задыхаясь, но волны, которые принесло питье, уже подхватили тело и понесли по реке сна.

7. Год 25 от Сотворения Столпов

Мост и река Смородина ничуть не изменились. Зато девочка, всё так же босиком стоявшая посреди моста, уже стала девушкой и вошла в цветущую пору, когда приданое готово и вот-вот пригодится. Я чувствовала, что нахожусь прямо с ней, на мосту, но в то же время события происходили без меня, я только зритель, словно бы смотрящий сценку во время ярмарки. Лица девушки, как я ни старалась, разглядеть не получалось. Будто оно постоянно ускользало от взгляда. Волосы ее были шикарны: отросшие ниже колен, цвета воронова крыла, богатые и не убранные в косу, они рассыпались по плечам, свободно падая вниз. Казалось, что девушка могла бы укутаться в них, как в покрывало. Она тряхнула головой, пуская блестящую черную волну по всей длине, и я залюбовалась.

Путник, спешащий по дороге к мосту, тоже казался знакомым. Это был возмужавший Осьмой. Ничего не осталось от тощего смущенного мальчишки. Светлые вихры превратились в пшеничную копну, плечи были широки, и сам он излучал уверенность и силу. Шаг чеканил четко, голову держал высоко и гордо. А светлые его глаза лучились восторгом и восхищением. Волосы Зимы не оставляли равнодушным и его. Он даже сбился с шага, когда скудные лучи солнца отразились в темных прядях.

Подойдя к кромке моста, он застыл, будто опасаясь ступить на доски.

– Ты принесла? – нетерпеливо воскликнул он, голос стал ниже, и в нем слышались нежные ноты. Это была далеко не вторая их встреча.

– Ты слишком часто приходишь, – голос Зимы воплощал само противоречие: радость и беспокойство. – Это может быть опасно.

– Они говорят, что я родился в рубашке, ха! – его голос так и лучился самодовольством. – Так ты принесла?

– Да, – Зима сделала шаг назад и, нагнувшись, повернулась с ковшом, в котором плескалась прозрачная жидкость, сверкающая так, будто в ней было само солнце. Это казалось удивительным в общей серости дня. Жалкие кроны деревьев у берега реки, словно почувствовав волшебную воду, потянулись ветвями в сторону Осьмого и Зимы. Река же, напротив, настороженно замерла, разгладив темные воды. Но эти двое ничего не замечали. Ни повисшей звенящей тишины, ни тревожной обстановки вокруг.

Осьмой стремительно сделал шаг на мост, отчего Зима взволнованно дернулась. Она поднесла ковш к губам парня, но было заметно, что они избегают касаться друг друга. Осьмой выпил жидкость одним большим глотком. Время на секунду замерло, а после словно пружину разжали. Река вновь вздыбила воды, а деревья испуганно отпрянули, страшась попасть под брызги Смородины.

– Как ты чувствуешь себя? – полюбопытствовала Зима.

– При смерти, – хохотнул парень, за что получил от подруги негодующий замах. Но она так и не решилась прикоснуться к парню, лишь сделала вид, что бьет его.

– Давай же, не бойся, – подбодрил он подругу, вытянув руку вперед.

Зима враз растеряла бравый вид и нерешительно переступила с ноги на ногу. Осторожно, словно к опасному зверю, приблизилась она к юноше. Ковш с глухим тяжелым звоном упал на доски моста, а Зима мучительно медленно протянула парню раскрытую ладонь. Девушка выглядела такой испуганной, плечи ее ходили ходуном. Осьмой, не выдержав напряжения, перехватил ее движение на середине и сжал ее руку, засмеявшись так радостно, как никогда никто не смеялся на этом мосту.

Зима тихо вторила ему мелодичным высоким смехом, чуть удивленным и радостным. Они застыли, глядя друг на друга, и наблюдать за ними в этот момент казалось почти неприличным – столько всего говорили их глаза.

– Я знаю твоё имя, – нежно прошептал парень. – Я так...

Внезапно и без того бедный солнечный свет заслонила тьма. Сгустились тучи, и прогремел раскат. Зима испуганно вскрикнула, вскидывая голову к небесам. Грозному могущественному голосу, звучавшему отовсюду разом, вторили удары молний. Один за другим разряды били в мост, заставляя Осьмого и Зиму метаться из стороны в сторону.

– Что! Здесь! Творится! Моя! Собственная! Дочь! Как! Ты! Посмела!

Девушка согнулась и завывала, трясая в ужасе головой и прикрывая ладонями уши. Осьмой пытался поднять ее на руки, опасаясь очередной молнии. Казалось, что голос действует на Зиму гораздо сильнее, чем на него. Мост сотрясался, и воды Смородины поднялись дыбом, расплескиваясь далеко за пределы своих владений. Увидев, что несколько волн закатились на мост, Зима оторвала руки от головы и наконец выпрямилась во весь свой небольшой рост. Как бы это смешно ни выглядело, она пыталась закрыть своим телом юношу, хотя еле доставала ему до плеча. Воды реки забрызгали платье Зимы, прожигая в нем дыры, но не нанося вреда телу.

– Отец! Отец, перестань, прошу тебя! – закричала она, пытаясь заглушить раскаты грома. – Я готова понести наказание!

Тучи расступились, гром стих, и засияли яркие лучи солнца, под которыми река будто стала мельче, а деревья жадно устремились навстречу живительным лучам. Прямо с неба в сияющем свете спускался могучий мужчина, волосы и длинная борода его были белы, как легкие облака в погожий день, но до старца ему было далеко. Одежды его отражали свет солнца, но сияние это не распространялось дальше чем на локоть от мужчины. Смотреть на его лицо было почти больно. Виной тому был гнев, исказивший красивые черты и глаза, из расплавленного серебра которых вылетали искры.

Мужчина сжимал золотой молот, а за спиной его висел колчан, наполненный сверкающими молниями, похожими на стрелы. Во всём этом сиянии и великолепии сложно было заметить спутника белобородого. Высокий и стройный, закутанный в темную накидку, второй мужчина казался совсем невзрачным. Вокруг него вилась тьма, закручиваясь в причудливые воронки, и лишь застежка под подбородком нет-нет да отражала сияние, исходящее от его величественного предводителя. Легким движением руки мужчина в накидке скинул капюшон. Показались рыжие волосы и красивое лицо, тонкие черты которого выражали смирение и сочувствие, но в зеленых глазах тлел нехороший огонь.

– Как ты посмела нарушить закон?! – прогрехотал мужчина в белых одеждах. – Ты-ы-ы! Предала наш род и дала смертному напиток Живой воды!

– Отец, – прорыдала девушка. – Это моя вина. Накажи меня, но отпусти его. Я умоляю тебя!

– Ты опозорила меня! – прорычал мужчина. – Где это видно! Никогда в мирах не случалось подобного! У тебя была простая задача! Пропускай себе смертных в мир Нави!

– Да кто ты тако... – со злостью прокричал Осьмой, кидаюсь на сверкающего мужчину, и отлетел в сторону от одного только взгляда.

– Как ты смеешь, смертный! – голос громовержца вновь возвысился, земля затряслась.

– Перун, дорогой брат, эти двое не стоят того, чтобы так

неистовствовать, – раздался вкрадчивый голос. – Уничтожать их смысла нет. Такое наказание никому не послужит хорошим уроком.

Вперед выступил мужчина с горящими зелеными глазами. Он сочувственно вздыхал, качая головой, и ходил из стороны в сторону, наблюдая, как девушка обнимает немного оглушенного парня.

– И что же ты предлагаешь, брат? – пророкотал громовеержец. – Давно ли ты был на их месте?

– В том-то и дело, великий и всемогущий: побывав на их месте, я знаю толк в хорошем наказании.

– Продолжай, – снисходительно отозвался Перун, и глаза его загорелись опасным жадным огнем.

– Отдай их мне, о величайший из богов! – воодушевленно произнес его брат. – Смертный более таковым не является, а дочь твоя... с ее умениями может служить мне и вовсе бесконечно. Их страдания и мытарства в мире Яви будут хорошим уроком для прочих желающих преступить закон.

Перун задумчиво потеревил бороду, гнев его поутих, и взгляд расплавленного серебра безразлично скользнул по дочери и ее избраннику.

– Так тому и быть, Велес, – заключил громовеержец, щелкнув пальцами. – И чтобы подальше от моих глаз. С годами я стал менее терпим к... неповиновению.

Он поднял молот и, кинув презрительный взгляд на Зиму, ударил орудием оземь. Громыхнуло в последний раз, и всё

стихло. Тучи развеялись, и на мосту остались три фигуры.

– О дорогая моя Мара. Морена! – голос Велеса потерял фальшивые участливые нотки и теперь звучал насмешливо. – Человеческая любовь – очень сильное оружие и такая же сильная слабость. Разве ты этого не знала?

– Ты... ты рассказал ему, – слабо завывала девушка, пытаясь подняться. – Как ты мог... Ты обещал мне!

– О-о-о, я обещал. Досадно, – усмехнулся Велес. – А теперь мне несколько наскучили твои практически человеческие несдержанные повадки, поэтому перейдем к делу.

Осьмой и Зима, взявшись за руки, с тревогой слушали речи темного бога, но звучание их и смысл растворялись в шуме Смородины.

8. Год 43 от Великого Раскола

Из-за болезни я пропустила семь дней на погосте. Мара вела себя как ни в чем не бывало, а я так хотела вернуться к *нему* на погост, что думать о том вечере, когда подруга напоила меня отваром, совершенно не хотелось. Я почти убедилась, что наша с Марой перебранка была плодом моего воспаленного лихорадкой воображения.

На восьмой день, выйдя из дома, я увидела бурую землю. Зима отступала. Снега́ таяли, образуя на крыше избы ледяные сосульки, которые плакали: кап-кап. Никто не хочет умирать, даже зима. Несмотря на холод, в воздухе пахло приближающейся весной. Ее дух был еле уловим, и вроде бы толком ничего не поменялось, но сердцем чувствуешь: изменилось всё.

Я заспешила на свое обычное место и, приблизившись, заметила, что холмик значительно просел. Опустившись на колени, я погладила ладонью землю. Мне не нравились лютые перемены. Хотелось бы, чтобы все было как прежде. Я желала, чтобы ветра продолжали дуть с таким же остервенением, а злой колючий снегопад убеждал бы, что я не так далеко от *той самой* ночи. Одеревеневшие от холода пальцы напоминали бы, как я гладила *его* лицо в последний раз.

Просевший же холм доказывал: время никого не щадит. Время отбирает воспоминания безжалостно, словно палач

равнодушно рубит голову с плеч. Безвозвратно. Мара больше не ходила за мной по вечерам, и я научилась сама возвращаться домой. Впервые назвала избу у погоста домом. Я еще раз произнесла это слово. С тревогой мелькнула мысль, что я не смогу гостить здесь вечно. Когда-то же придется уйти.

Я не имела представления, куда могла бы отправиться. Мое место было рядом с *ним*. Я не желала никакой другой жизни. И боль не ослабевала и не становилась легче. Раньше, в деревне, я часто говорила родственникам усопшего, что время сровняет боль, восполнит пустоту потери и станет легче. Но оказалось, что это ложь. Боль никуда не уходит. Просто учишься жить вместе с ней.

Я сбивчиво посчитала в уме. День весеннего равноденствия давно позади. Значит ли это, что скоро мне намекнут уйти и жить своей жизнью дальше? Они прогонят меня? Я боялась думать об этом и не находила смелости спросить прямо у Мары и Калена, сколько еще могу оставаться у них. Они молчали, и я, в свою очередь, трусливо избегала этой темы, хотя неизвестность была мучительной.

Еще через одну луну Мара удивила нас. Это случилось поздно вечером, когда Кален пил травяной отвар и смотрел в окно, думая о чём-то своем. Я лежала на скамье и наблюдала за Марой, разводившей в печи огонь.

И тут она сделала нечто поразившее даже меня. Отдернув руку, она проворчала «*Проклятая горячая кочерга!*» своим нежным музыкальным голосом, а сама кочерга с грохотом

упала. Кален уронил кружку, вздрогнув, и развернулся на скамье, глаза на Мару с открытым ртом. Не надо далеко ходить, чтобы выяснить, от кого она понабралась. Я резко вдохнула, ожидая от него гнева. Я научила его милую подругу грязно выражаться.

Мара повернулась, безошибочно находя незрячими глазами Калена, и я увидела в уголке ее губ озорную ухмылку. Они замерли – девушка с хитрым выражением на лице, а парень – в недоумении приподняв брови. Я зажмурилась, не желая смотреть на их молчаливый диалог. Это просто нечестно. Она даже не может видеть его, но они всё равно делают это довольно часто. Застывают напротив друг друга, даже не касаясь. Разговаривая без слов. Это было настолько личным, настолько *большим*...

Кален хмыкнул. Мара залилась звонким смехом, заставив меня широко раскрыть глаза. Она хохотала, закинув голову, Кален сдержанно смеялся в ответ, и вдруг... левая часть моих губ поползла вверх, растягивая лицо в ставшую непривычной улыбку. Это натяжение мышц и всего тела было слабым, но всё же достаточным, чтобы края моей рваной раны, затянувшейся бурой коркой боли, лопнули – освобождая следом за смешком всхлип, а потом еще и еще. Через несколько мгновений я тряслась и рыдала, а Мара сжимала меня маленькими руками в *перчатках*, глядя по голове и напева уже знакомую колыбельную. Так полились слезы.

9. Год 43 от Великого Раскола

Теперь я плакала почти постоянно. Любое событие, даже самое незначительное, вызывало бурю эмоций и потоки слез. Они лились, лились, лились. Казалось, это не прекратится никогда. Опухшими глазами я наблюдала за пробивающейся молодой травой на моем любимом месте погоста. Я рвала пучки и топтала. А после снова рыдала, уткнувшись лицом в холм, который и холмом теперь было не назвать. Земля стала ровной и почти вся зазеленела молодыми побегами. Но я знала, что *он* там, подо мной. Никакая проклятая трава и просевшая земля не изменит этого.

– Если ты будешь рвать траву, лето не передумает, – осторожно заметила работающая рядом Мара. Она рыхлила мотыгой землю, потому что хотела что-то посадить здесь. Цветы.

– Проклятье! Ты ведь слепая! Ты не должна вытворять эти штуки, – я все-таки вырвала еще один пучок травы и отшвырнула подальше.

– Проклятая слепая, – с удовольствием повторила девушка, ей ужасно нравились ругательные слова.

– Так Кален собирается меня выгнать? – я постаралась задать давно мучивший вопрос спокойно.

– Почему тебя должен выгнать Кален? – Мара бросила мотыгу и, подойдя ко мне вплотную, уселась рядом. Она толк-

нула меня плечом в плечо, выражая поддержку. – Мы сказали, что ты можешь оставаться столько, сколько тебе понадобится.

– Да, извини, – торопливо пробормотала я. Теперь меня затопило смущение.

– Тем более ты – моя первая и единственная подруга, – засмеялась она. – У меня никогда не было друзей, кроме Калена.

– Не думаю, что вас можно назвать друзьями, – поправила я. Она была странной. Неужели не понимала разницы?

– Да, да, не друзьями, – смешалась Мара. – Ты и Кален – это разное... разное.

– Это потому что вы пара, понимаешь, как... как муж и жена, – выдавила я.

– Муж и жена, – повторила она, и в ее голосе появились теплые нотки, почти запретные. – Муж и жена.

Какое-то время мы сидели в тишине. Я вдруг остро почувствовала, что лес вокруг погоста живет. Слышался стрекот цикад, шелест ветвей на ветру, запах проснувшейся от зимнего сна земли и смолы, текущей по нежащимся на солнце стволам. Я покосилась на Мару. Она подставила лицо ветерку и первым робким лучам тепла. Она была одновременно грустной и безмятежной. Я поняла, что знаю ее какое-то время, но только что у нас был первый разговор, близкий к нормальному. Какой же плохой подругой я была.

– Ты тоже моя первая и единственная подруга, – призна-

ние далось с трудом.

– Потому что с ним вы тоже были как муж и жена, – утвердительно кивнула Мара.

– Да, – прохрипела я в ответ.

– Как его зовут? – тихо спросила она.

И мне понравилось, что она использовала настоящее, а не прошедшее время, поэтому я ответила, с трудом выталкивая из себя родное имя:

– Владан.

10. Год 43 от Великого Раскола

Лето угасало. Зелень разбавлялась золотом и багрянцем, а иногда одинокий красочный лист прилетал, гонимый ветерком, на мое привычное место. Темнело еще поздно, но скоро день всё стремительнее пойдет на убыль. Уже идет, но обманчивое теплое лето держит в сетях, не дает поверить. Первая годовщина почти настигла меня, она буквально наступала на пятки. Невозможно поверить, что год вскоре кончится и начнется новый оборот.

Я возвращалась к дому глубокой ночью и думала, что найду темную избу, наполненную тихим дыханием двух спящих. Но, приблизившись, заметила свет лучины, и шаг поневоле стал энергичнее. Хотелось заварить травы и сгрызть сухарь, в животе заурчало при первой мысли о еде. За предвкушением трапезы я не сразу поняла, что внутри избы идет жаркий спор. Голоса отчетливо слышались даже на улице.

Я *никогда* не видела, чтобы они ругались, и не слышала споров. Это напугало. Просто не может такого быть. Кален никогда не повышал голоса, а Мара не умела сердиться. Ради богов! Они вели молчаливые разговоры, будто слова вообще были не нужны, – о каких дрязгах могла идти речь? Но сейчас именно это и происходило. Я подумала, что стоит развернуться и уйти, чтобы дать им немного уединения, но вдруг услышала свое имя.

– Это Ягишна должна решать, как же ты не понимаешь! – горячо вскрикнула Мара.

– Она не видит целостной картины, мы не можем поделиться с ней всей правдой, а потому должны молчать вовсе, – возразил Кален. – Ты знаешь, к чему это привело нас. Ты знаешь, что бывает, когда он затевает свои интриги.

– Да! Но я также знаю, что, если бы у меня был шанс вернуть тебя, – в отчаянии прокричала она, – я бы пошла на любые жертвы. Хочешь сказать, что не заплатил бы цену, если бы речь шла обо мне?

– Даже не задумался бы! – его голос звучал возмущенно. – Неужели ты думаешь...

Но я не стала слушать дальше. То, что она сказала, заставило меня решительно распахнуть дверь, и я ворвалась в избу.

– Что значит «шанс вернуть»? – меня не заботили какие-то приличия. Да, я подслушивала и неловкости не чувствовала. Мне казалось, что голос прогремит подобно голосу громовержца из моего сна, но крик получился визгливый, сорвавшийся. Меня трясло.

Они оба пораженно застыли. Мара выглядела более собранной, глаза же Калена бегали.

– Я не слышал, как ты подошла, – пробормотал он.

– Иногда, когда она хочет, ее никто не слышит, – заметила Мара. Ее голос звучал спокойно и ласково. Она обхватила ладонь Калена знакомым жестом, но я отмахнулась от вида

его ладони и ее руки, облаченной в *перчатку*.

– Я хочу сейчас же знать, что вы от меня скрываете! – мой голос походил на крик.

– Действительно, Ягишна? – Кален пришел в себя, и в его голосе зазвенела сталь. – Ты требуешь раскрыть все секреты? Появилась здесь голюю перекаточной, привезя с собой... привезя *его*, – он споткнулся, но быстро взял себя в руки. – Никогда ничего не объясняла, и мы не задавали вопросы. Мы относились с пониманием и приняли тебя в свою семью. Такова твоя благодарность!

Я отшатнулась, словно он вlepил мне пощечину. Жар бросился в лицо, а внутри разливалась паника. Он выгонит меня, снова близится осень, я не смогу жить рядом с погостом в своей телеге. Нужно было молчать. Я судорожно дышала, пытаюсь усмирить свой гнев и не разжигать негодование Калена.

– Это было по-настоящему сурово, Кален, – пожурила его Мара совсем неуместным тоном. – Даже я почти поверила. Представь, как себя чувствует Ягишна!

Повернувшись ко мне, она подмигнула. Она подмигнула мне! В такой момент.

– Он просто хочет, чтобы ты уехала и была в безопасности, – заговорщицки зашептала она. – И, согласиcь, он *заставил* тебя чувствовать себя виноватой.

Кален судорожно вздохнул и опустилcя на скамью, спрятав лицо в ладонях. Его плечи вздрагивали. Я вообще пере-

стала понимать, что происходит. Вид плачущего Калена серьезно меня испугал. И чувство вины запылало жарким костром внутри. Хотелось провалиться сквозь землю.

– Я... не должен был опускаться до таких слов и пытаться управлять тобой, Ягишна, – раздался голос парня, приглушенный ладонями. – Это именно то, что я ненавижу в нашей с Марой жизни. Нами всегда управляют.

– Я не понимаю, о чём ты, Кален, – старалась подбирать слова осторожно. – Но мне жизненно важно знать, что значит *«шанс вернуть его»*, – а теперь я умоляла.

– Мы не можем рассказать тебе всё, – проговорила Мара. – Нас обязали хранить молчание против воли. Ты сможешь узнать всю правду только после возвращения... Владана. И, скорее всего, ты возненавидишь нас после этого.

– Никогда! – воскликнула я горячо. Думаю, это были самые яркие эмоции от меня за всё время нашего знакомства. – Я не могу представить, что может заставить возненавидеть вас.

– О, ты и половины не знаешь, – пробормотал Кален. – Мы – плохие... люди.

– Кален, – предостерегла его Мара. Она обратила ко мне лицо, и ее голос был извиняющимся: – Он прав, но я не хочу, чтобы он пострадал, сказав больше. Я не могу потерять его, он – всё для меня. Но он прав. Мы – плохие люди.

Я засмеялась. Я хохотала, и слёзы текли по щекам. Они выглядели несколько напуганными моей реакцией. Но я не

могла остановиться.

– Сейчас... сейчас я покажу вам, кто из нас троих действительно плохой человек, – выдавила я и рубанула ребром ладони по воздуху, наводя мóрок.

11. Год 42 от Великого Раскола

В избе царил удушающий жар, на скамье мучилась роженица. Ягишна, вся в испарине, устроилась в изножье скамьи, утешая кричащую женщину.

– Давай, Варвара, тужься – и дыши, дыши глубоко, не сжимайся, – она еще шире развела колени девушки.

– Я не могу, очень-очень больно, – плакала молодая роженица.

Вокруг сновали две женщины преклонных лет, родственницы будущей матери. Они неодобрительно косились в сторону Ягишны.

– Всё хорошо, давай, поднатужься, я уже вижу головку, – ободряюще улыбнулась молодая повитуха. – Всё будет в порядке, всё уже идет хорошо.

С последним надсадным криком Варвара вытолкнула из себя младенца. Ягишна ловко повернула ребенка в руках, пальцами очистив ротик и носик, и легонько похлопала малышка по спине, поворачивая лицом вниз. Раздался возмущенный детский вопль.

– Вот у нас какой крикун! – засмеялась Ягишна. – Богатырь будет!

– Ты матери-то его приложи да пуповину режь, – заворчала одна из пожилых. – Вертит его в своих ведовских руках туды-сюды не пойми для чего. У нас так не рожают, тащишь

из своего гнилого рода свои обычаи.

Ягишна тяжело глянула на двух склочниц и поспешно положила младенца на грудь уставшей, но счастливой Варвары. Перетянув пуповину обработанной в вине пеньковой нитью, повитуха достала чистый, сверкающий новым железом нож.

– Чего удумала? Режь нашим! – закричала одна из родственниц. Они с Варварой были очень похожи с поправкой на пару десятков лет. Не иначе, мать.

– Все инструменты должны быть чистыми, – терпеливо объяснила Ягишна. – Это безопасно.

Растолковывая вещи, которые казались очевидными, повитуха быстро перерезала пуповину, после чего достала из корзины нечто обернутое чистой холщовой тканью и пристроила на живот роженицы. Улыбка Варвары была благодарной и извиняющейся, Ягишна утешительно сжала ее колено в ответ.

Мать девушки испуганно столкнула сверток с живота дочери. Покатившись по полу избы, холща безнадежно измаралась и развернулась, являя на свет кусок льда.

– Это что еще за шутки? – закричала женщина в ярости.

– Чтобы послед вышел легче, – торопливо проговорила Ягишна. – Но теперь нужно поискать новую чистую ткань.

Она принялась рыться в своей корзине, но испуганно вскинула голову, когда раздался сдавленный стон Варвары, а родственницы заголосили в две глотки:

– Кровь! Сколько крови!

– Разве так должно быть? – слабо вскинулась Варвара.

– Всё будет хорошо, милая, – попыталась успокоить ее Ягишна и, повернувшись к женщинам, злобно прошипела: – Вы можете умолкнуть, тупые деревенские бабы?

Мать роженицы и вторая женщина с криками и кулаками бросились на несчастную повитуху, разнося по избе вопли:

– Ах ты ведунья! Проклятье на нас насылаешь! Не тронь моих деток своими грязными руками! – мать теснила дородным телом Ягишну к выходу из избы. Вторая напирала следом, пытаясь вцепиться в косу девушки.

– Я могу... могу ей помочь, пустите... Пустите же, она может умереть, – пыхтя, отбивалась повитуха. Но тут тетка наконец добилась желаемого и, вцепившись в загривок Ягишне, за волосы выволокла ее из избы, со всей силой швырнув с порога. Девушка перелетела ступеньки бани и, прокатившись кубарем по земле, закричала от злости:

– Проклятье! Королобая¹ ты баба!

Вдалеке раздался громовой разряд, Ягишна вскинула руку и в обвинительном жесте ткнула в тетку пальцем:

– Ее смерть на тебе будет!

– Слышите, слышите, люди добрые! – заголосила та в ответ. – Проклинает на ходу эта ведунья. Она Велесу служит, она всех нас здесь изведет! Ах ты...

Зычные крики женщины разлетались на весь двор, при-

---

¹ Королобая – здесь: тупая, глупая; имеется в виду «лоб из коры», то есть «деревянная голова».

влекая внимание деревенских, но прервавший их вопль за считанные мгновенья собрал целую толпу.

– Доченька! Дитяtko мое! Умерла! – надрывалась женщина в доме, плач перешел в вой. Из избы выбежала мать Варвары, разрывая на себе одежды и крича, словно одичавшее животное.

– Это всё ты! – брызжа слюной, выкрикнула обезумевшая от горя мать. – Это всё ты со своими ведовскими чарами!

Ягишна, вся перепачканная, пыталась встать, чтобы объяснить произошедшее, но вторая женщина со всего размаха пнула ее ногой, и несчастная вновь оказалась в пыли, на земле. Она захлебывалась слезами и между попытками встать бормотала: «Постойте, ее еще можно спасти», – но собравшийся народ зажимал девушку в кольцо, толчки с пинками летели уже со всех сторон. Чья-то рука вынырнула из мешанины тел и, схватив Ягишну за косу, поволокла по земле на главный двор. Толпа превратилась в живой яростный организм, она перетекала пугающим единением шагающих ног и причиняющих боль рук. Ягишна перестала понимать, что происходит, в глаза и рот забила дорожная пыль, раздался треск рвущейся ткани, кто-то больно наступил ей на незащитные пальцы, которыми она слепо шарила по земле. Наконец люди остановились и, единым стройным движением швырнув несчастную на землю, окружили ее, оставив той лишь маленький пяточок земли. Куда ни обращался взгляд Ягишны, лишь натыкался на полные ненависти, горя-

щие злобой глаза. Эти люди знали ее с рождения, но сейчас готовы были разорвать голыми руками.

Внезапно гул возмущенных и раззадоренных расправой голосов смолк, раздался стук копыт и крики. На главный двор ворвались всадники на взмыленных конях. Было видно, что они спешили изо всех сил. Оба тяжело дышали, а кони храпели и вставали на дыбы. Толпа отшатнулась.

– Что здесь происходит?! – закричал один из всадников, проворно спешиваясь. Увидев оборванную избитую девушку, он в ужасе застыл на мгновение, а затем бросился к ней: – Ягишна! Душа моя, что с тобой?

Девушка в ответ только горше зарыдала.

– Что вы здесь устроили! – в ярости закричал мужчина. – Это вы с ней сотворили?

– Она Варвару убила своим ведовством! – раздался крик из толпы.

– Кто это сказал? – прокричал парень. – Выходи и говори открыто.

– Не надо, Владан, – прохрипела Ягишна, цепляясь за руку молодого человека.

Тот лишь молча помог ей подняться с земли и, приобняв, погладил по грязным спутанным волосам. Он гневным взором обводил деревенских. Некоторые, не выдержав, опускали глаза. Другие же лишь пуще злились.

– Кто будет выходить открыто и обвинять Ягишну перед лицом богов? – еще раз закричал парень.

Вперед выступил крупный рыжебородый мужчина с вилами в руках. Волосы его наполовину поседели, но он был крепок. Мужчина запыхался, он не участвовал в избиении повитухи, а примчался с поля, где готовил последние стога сена перед зимовкой.

– Я, Мстислав, отец Варвары, обвиняю эту ведунью, – он кивнул в сторону Ягишны, – в злокозненности. Она убила мою дочь! – после этих слов вновь раздались женские крики и рыдания, люд загудел с большей силой.

– Я понимаю твою горе и горе твоей семьи, – в голосе Владана слышалось искреннее сочувствие и переживание. – Но, Мстислав, будь же разумнее. Не пристало мужчине участвовать в столь постыдном действе. Как могла Ягишна убить Варвару? Ты знаешь, что роды не всегда заканчиваются благополучно, – он приложил ладонь к груди. – Мы скорбим вместе с вами. Но разве должно поступать так с соплеменниками? – он прижал Ягишну ближе, девушка тряслась от пережитого ужаса.

– Она применяла свое чароплетство! – в круг выскочила тетка. – Эта твоя Ягишна – что ее бабка и мать. Все они были и есть Велесовы слуги! Я была в родильне! Мы с Радой видели всё! Ведунья прокляла мать и дитя, потому Морена забрала Варвару!

При имени богини смерти толпа испуганно стихла.

– Думай, чье имя кричишь, глупая баба! – замахнулся в ее сторону Мстислав. – Опять кличешь! Недостаточно на сего-

дня?!

Женщина вздрогнула, но через секунду принялась голо-
сить пуще прежнего:

– Я правду говорю! Всё ее ведовские чары!

– Не ее ли ведовские чары помогли твоей старшей дочери,
Людмила, в прошлом году благополучно разродиться двой-
ней? – спокойно спросил Владан, но гул толпы заглушил его
слова.

– Не твоя ли жена, Мстислав, приходит каждый месяц к
Ягишне за снадобьем от боли в спине? – уже громче вопро-
шал юноша.

Люди не слышали его. То тут, то там раздавались крики:

– Велесово отродье!

– Мы все сгинем рядом с ведуньей!

Кольцо вокруг парня и девушки сжалось плотнее.

– Брат, – обернулся Владан ко второму всаднику. – Хотя
бы ты поддержи меня, помоги вразумить их.

Но тот только опустил глаза. Селяне напирали, лошади за-
волновались, раздалось испуганное ржание.

– Я смотрю, крепко она тебя взяла, Владан, – прохрипел
Мстислав. – Уже служишь ей всем своим нутром. Не зря с
самого детства по полям да по лесам за ней бегал. Заманила
она тебя!

– Ты же не можешь всерьез говорить об этом, Мстислав! –
пытаясь перекричать толпу, убеждал мужчину Владан. – Ты
родной брат моего отца, тебе ли меня не знать?

Ягишна настороженно вскинула голову к грозно сгустившимся тучам, дернув ноздрями по-звериному, и предостерегающе потянула парня за рукав.

– Владан, – прошептала она, – лучше уйдем...

В тот же миг Мстислав испуганно вскричал:

– Нет в моем роду бесовского отродья! – и метнул вилы прямо в грудь парню.

Владан, повинувшись природной ловкости, увернулся, и оружие, пролетев мимо, лишь распороло кожу. Парень удивленно уставился на свисающую лохмотьями с плеча одежду. Кровь гранатом брызнула наземь, льняная рубашка быстро напиталась красным. Ягишна закричала, небеса разверзлись – и грянул ливень.

Толпа обезумела. Вид ли крови раззадорил их или же испугало светопреставление, но вместе со стеной дождя на Ягишну с Владаном обрушилась ярость толпы. Повитуху оторвало от парня и понесло через людской поток. Удары руками, ногами и всем, что подвернулось, смешались в сплошную боль. Ягишна закричала и, с трудом вскинув ладони, толкнула воздух перед собой. Ближайшие к ней люди отлетели, сшибая напирających сзади. Девушка с удивлением посмотрела на свои руки и попробовала еще раз. Толпу поволокло в разные стороны, освободив вокруг Ягишны небольшой пяточок земли. Она вскочила на ноги и, со всей силою выбрасывая ладони в стороны, выкрикивала:

– Владан, где ты?

Людей раскидало, главный двор освободился почти полностью. Лошади в испуге ржали и плясали, второй всадник пытался призвать свою кобылу к порядку и одновременно поймать лошадь без всадника. Несколько человек, упав, оказались на пути у животных. Начались толчея и неразбериха. Ягишна огляделась. Она всегда знала, что может творить мелкое ведовство, но большая волшба никогда не давалась повитухе. Взгляд Ягишны наткнулся на единственную одиноко лежащую фигуру внутри отвоеванного ею пространства.

– Владан, – прохрипела она и ринулась к парню. Она перевернула его и затрясла, повторяя имя, целуя его разбитые губы, ощупывая плечи. Кровь, было много крови, и больше ничего. Ни биения сердца, ни слабого вдоха. Внутри нее начал зарождаться крик. Это был настоящий животный вопль, идущий из самого нутра. Она кричала, кричала и кричала, закинув голову в небо, и в этом крике смешивались боль, ярость и ненависть. Мир застыл, лошади умолкли, люди онемели. Глаза девушки закатились, превратившись в пугающий слепой взгляд одних лишь белков, будто она смотрела внутрь себя. Стихия не смолкала, ливень бушевал, но люди не шевелились, зачарованно наблюдая за ведуньей. Она медленно поднялась на ноги и злобно улыбнулась.

Разведя ладони широко в стороны, она резко соединила их. Хлопок даже не был слышен, но больше трети людей повалились замертво, схватившись за сердце. Засмеяв-

шлись страшно и беззвучно, она щелкнула пальцами, и лошади пришли в движение. Селяне – те, кто продолжал стоять, – застыли, словно изваяния, но их глаза испуганно полезли из глазниц. Животные ринулись в толпу, вбивая людей копытами в землю. Лужи превратились в кровавое месиво, и тот, кто падал, уже не поднимался. Но Ягишна не удостоила убитых вниманием, она бесстрашно бродила среди управляемого хаоса и с интересом заглядывала в наполненные ужасом глаза тех, кто остался стоять без движения. Когда кровавая жатва была завершена, Ягишна недобро усмехнулась. Лошади послушно подошли к хозяйке и ткнулись мордами в раскрытые ладони девушки. Она ласково погладила кобыл по крупу и легонько шлепнула, отпуская. Они с диким ржанием скрылись в гуще леса. Ягишна повернулась к немногочисленным живым. Наклонив голову, она будто прислушалась, после чего пошевелила пальцами, и всё пришло в движение. Люди бросились врассыпную, наполнив воздух воплями ужаса. Девушка пару мгновений наблюдала за бегством, и лицо ее приняло почти умиленное выражение. Подняв руку, она потянула за невидимые вожжи, и людей протащило назад. Кто-то смог удержаться на ногах, кого-то поволокло по земле. А затем она вновь шевелила пальцами, и к людям возвращалась возможность двигаться. Народ кричал, визжал и в первобытном ужасе пытался бежать, не замечая, что топчет оставшихся в живых соседей. Ягишна повторила свою игру еще пару раз, после чего, скривившись, будто ей надо-

ело, вновь развела ладони и соединила их с хлопком. Стало тихо. Ливень прекратился, и лишь крик одного человека разрывал окрестности. Девушка медленно приблизилась к корчащемуся на земле Мстиславу.

– Ты Велесово отродье, – хрипел задыхающийся мужчина. – Я всегда это знал!

Ведунья усмехнулась и сжала пальцы на горле мужчины, наблюдая страшным взглядом за гаснущей в его глазах жизнью.

Когда стихло, девушка поднялась, оглядела слепым взглядом всё вокруг. Найдя того, кого искала, она сделала два нетвердых шага в сторону любимого и упала на землю, словно срубленная сосенка.

12. Год 43 от Великого Раскола

Я перевела дух, возвращаясь в реальный мир. Мара рыдала в голос, захлебываясь слезами. На щеках у Калена я увидела мокрые следы. Уверена, они в ужасе от увиденного и теперь знают, какого человека пустили в свой дом. Я ждала страха, брезгливых взглядов и немедленного требования покинуть гостеприимный дом.

Но Мара бросилась ко мне и обняла, почти повиснув на шее. Я испуганно вздрогнула. Я не знала, могла ли она видеть морок, но услышала-то, находясь внутри видения, точно достаточно.

– Мне так жаль, Ягишна, – прорыдала Мара, – так сильно жаль. Как ты смогла пройти через это?

– Я... – трудно было подобрать слова. – Мара, люди по своей сути очень ведомые существа. Я поступила ужасно, уничтожив деревню. Где-то внутри меня живет настоящее зло.

Мара отрицательно покачала головой, продолжая плакать. Кален откашлялся, но его голос всё равно дрожал от... страдания.

– Мы не думаем, что в тебе есть изначальное зло, – казалось, он тщательно подбирает слова. – Мы очень сочувствуем твоему горю, Ягишна. Ты не ужасный человек. Это была настоящая трагедия. Удивительно, что ты смогла справиться-

ся.

– Справиться? – я грустно усмехнулась. – Я умерла в ту ночь. Я хожу, дышу и даже испытываю чувства, но моя жизнь никогда не будет полной без Владана. Я знаю, что ты понимаешь меня, Кален. Я вижу, как ты глядишь вокруг, как внутри тебя живет тоска. И ты меняешься и выглядишь живым только в те моменты, когда смотришь на Мару, когда вы вместе. Представь, если кто-то отберет ее у тебя...

– Я бы этого не вынес, – еле слышно прошептал он.

– Тогда расскажите мне, что значит «шанс вернуть его»? – с мольбой попросила я.

Кален тяжело вздохнул и повернулся к Маре. У них опять была эта минута молчаливой беседы, и в конце концов его плечи устало поникли. Он сдался.

– Расскажи ей, – сказал он Маре, а потом повернулся ко мне: – Но ты должна знать: всё не то, чем кажется. Большого поведать не в силах, хотя и мы знаем далеко не всё. О чём-то догадались, что-то подслушали. Но полной картины происходящего нет. Скорее всего, всё обернется еще большей бедой, чем та, что уже случилась.

Хотелось рассмеяться. Что может быть большей бедой? Но я не стала спорить, опасаясь того, что Кален изменит мнение. Я дернула Мару за рукав, хотя она и не нуждалась в моей помощи, чтобы дойти до стола. Мы сели на скамьи друг напротив друга, Кален же принялся возиться у печи. Плечи его были напряжены, и я видела, что он приготовился вни-

мательно слушать рассказ подруги. Но к столу он так и не подошел. Наверное, ему просто невыносимо было сидеть без движения.

– Есть один обряд, – не спеша начала Мара. – Мы знаем, что необходимо делать и что якобы это вернет из мира Нави того, кто дорог. Но это обряд крови, и нет никого, кто мог бы сказать, *что* будет после и какова цена.

– Я никогда не слышала об обрядах на крови, – нахмурилась я. – Звучит немного... жутко.

Кален лязгнул кочергой.

– В том-то и дело, – зашептала Мара, повернув голову в сторону парня. – Это волшба, которой раньше не было под солнцем. Неведомое. Что будет, если ты ее применишь, мы не знаем. Это... страшит нас. Вдруг нам совра... сказали нам неправду об обряде, чтобы заманить тебя.

– Откуда вы узнали об обряде? – осторожно спросила я.

– Мы не можем говорить про... это, – Маре каждое слово давалось с трудом. Я видела, что она на грани того, чтобы нарушить данное кому-то обещание. Я испугалась за нее.

– Хватит, – выпалила я. – Неважно. Я всё равно хочу попробовать. Даже если это ловушка.

– Думай, Ягишна, – Кален, казалось, был увлечен огнем в печи, но голос его прозвучал громко и ясно. – Ты неглупа. Догадаться несложно. Другое дело, что...

Он замолчал и задышал тяжело. Мара дернулась в его сторону, но он бросил притворяться, что занят делами, и сам

подошел к столу. Кален осторожно положил ладонь на плечо Мары и ободряюще сжал.

– Но почему вы так долго молчали? Может, мы опоздали. Вдруг для обряда слишком поздно! – я испуганно вскинула глаза на Калена. – Такие вещи разве не лучше делать сразу после?

– Нет, – Мара отрицательно мотнула головой. – Ритуал необходимо провести в строго определенную ночь. И она вот-вот наступит – впервые с тех пор, как ты появилась у нас на пороге.

– Ночь нового оборота! – догадалась я.

И тут же вспомнила рассказы бабки о временах, когда эта ночь носила совсем другое название. Велесова ночь. Ночь Великого Раскола и возрождения новой жизни. Ночь падения Старых богов и одного молодого, чье имя сейчас под запретом. Имя, что шепчут лишь в проклятиях. В памяти всплыл предсмертный хрип Мстислава. Я погасила чувство тревоги, поднявшееся в груди. Мне дела нет, если все они были правы насчет меня. Да, павшего бога заперли в мире Нави, и мой род отрекся от служения ему в ночь после Великого Раскола. Мы не двинулись на север вслед за теми, кто отправился в изгнание. Но люди всё равно чуть что припоминали моей семье связь с Велесом. И если теперь мне нужно заключить договор с тем, кто уничтожил весь мир, но может вернуть Владана, то так тому и быть. Боялась я лишь того, что изгнанный бог не простит предательства моему роду

и ничего не получится.

– Ты же понимаешь, что нельзя доверять *его* слову? – предостерег Кален, будто он смог прочесть все мысли на моем лице. – Результат... обряда... тебе... может... не понравиться...

Слова давались ему с трудом, и мне не хотелось мучить его лишний раз.

– Странно, что вы служите ему, – удивилась я, приподняв ладонь и не давая ему договорить. – Но предостерегаете от службы меня.

– Мы служим не по своей воле! – яростно выпалил Кален.

– Давайте обсудим всё это после... обряда, – примирительно предложила я. – Возможно, тогда вы сможете сказать больше?

– После обряда, возможно, ты больше никогда не захочешь видеть нас, – грустно пробормотала Мара.

Я не верила, что такое возможно. Судя по всему, я останусь в живых, а Владан вернется из мира мертвых. Большого нельзя желать. Их слова и предостережения просто не имели смысла.

– Что нужно делать? – спросила я, не обращая внимания на горестные вздохи Калена и виноватый вид Мары. Пока будет хотя бы один шанс вновь увидеть Владана, я готова отправиться хоть в самую Навь, коли потребуется.

– Для начала Калену нужно вернуть назад твою кобылу, – отозвалась Мара. – Он пристроил ее к кочевникам, что были

неподалеку.

В этот момент я поняла, что за год даже не поинтересовалась судьбой лошади, с которой меня связывала *та самая* ночь.

13. Год 44 от Великого Раскола

В канун нового оборота я ходила из угла в угол по избе и в волнении заламывала руки. Могла ли я что-то забыть или упустить? Всё должно быть четко и в соответствии с правилами обряда, и мысли об ошибке допускать нельзя. За неделю до этого Кален отвез меня к заброшенному алтарю Велеса, и я впервые принесла жертву этому богу, о котором знала лишь из подслушанных разговоров бабки и матери. Кровь кобылы обагрила жертвенный камень, и последующее сожжение прошло даже быстрее, чем я ожидала. Тщательно собрав золу, я очистила лошадиный череп. А в нашей деревне шептались, что животное Велеса – козел. Ничего-то они не знали.

Близилась полночь. Я начисто вымылась и надела новое платье, которое мне справила Мара. Кто бы подумал, что слепые могут настолько аккуратно вышивать прекрасные узоры. Сама рукодельница сидела на скамье, терпеливо слушая мои взволнованные шаги.

– Кален будет с минуты на минуту, и мы в тот же миг отправимся на могилу, – в сотый раз произнесла подруга и хлопала рядом с собой. – Присядь ко мне. От твоего топота голова болит.

– Ладно, – согласилась я и упала к Маре. Но энергия бурлила внутри, и ноги против воли мелко подрагивали. Мара

несколько мгновений размеренно дышала, после чего успокаивающе положила ладонь мне на колено. Я так удивилась, что перестала шевелиться вообще. Я ощутила необычный холод, исходящий от подруги. Кинула взгляд на руки – перчатки на месте. Без них я вообще ее не видела. Мы редко касались друг друга, я избегала контактов любыми способами, хотя случалось, что мы соприкасались. Но я не обращала внимания раньше, что тело Мары было таким холодным.

– Знаешь, – заговорила подруга, и серьезность ее тона заставила мое сердце сжаться. – Я скажу тебе одну вещь перед обрядом. Запомни ее и подумай. Еще не поздно отступить.

Я недовольно закатила глаза. Но, конечно, Мара не увидела этого, а потому продолжила:

– Часто нам кажется, что мы играем главную роль в жизни. Сами себе мы представляемся камнем, что летит в спокойную гладь мироздания, чтобы оставить на поверхности след, повлиять на события или изменить что-то. Но, как правило, заблуждаемся. Обычно мы – лишь круги на воде, что расходятся от камня, упавшего давным-давно.

– Я ничего не поняла, – мой голос прозвучал недовольно, потому что она говорила сущую нелепицу. – Это моя жизнь, и, конечно, я играю в ней главную роль.

Мара сокрушенно вздохнула и открыла рот, чтобы продолжить. Но дверь избы распахнулась, и показался Кален. Руки его были пусты, и на миг я испугалась, что ему не удалось добыть вереск для обряда.

– Я принес, – только и сказал он, даже шагу не делая на порог избы, и я с облегчением увидела лямки заплечной сумы, почти сливающиеся с цветом рубахи Калена.

Рванув со скамьи, я подхватила свой мешок, в который до этого тщательно сложила всё необходимое. Меня уже не интересовали тайные смыслы слов Мары. Всё перестало иметь значение. Обряд – вот что заботило меня.

Кажется, до могилы я бежала, несмотря на тяжелую ношу на спине. Мара и Кален еле поспевали, Мара крикнула, чтобы я не спешила, но потом сдалась и прибавила шаг. Каждый из нас нес по лучине. А в суме Калена было еще очень много заготовок, которые он делал целую неделю и которых хватит, чтобы поддерживать огонь хоть всю ночь.

Добежав до привычного места, я бросила мешок к ногам и обернулась. Кален как раз подошел и, скинув свою суму с плеч, развязал ее и вывалил на землю пламенники. Втыкая их в землю, мы сделали идеально ровный круг. Он выступит символом огня, который необходим для обряда, и обеспечит нас светом.

– Начнем? – думаю, где-то глубоко внутри Кален надеялся, что я могу передумать.

Но я кивнула. Забрав у него пучок сушеного вереска, я шагнула в круг. У меня было всё, что необходимо. Перехватив поудобней горящую лучину, которую так и не выпустила из рук, я бросила взгляд на часть моей семьи, которая должна была остаться за кругом.

– Спасибо, – на всякий случай я решила попрощаться. – Что бы ни случилось, я останусь вам навсегда благодарна за эту возможность.

– Мы будем рядом, – прошептала Мара. – Помни, мы не желали зла, – в ее незрячих глазах блеснули слезы.

Глубоко вдохнув, я приступила к созданию круга огня, зажигая пламенники один за другим противосолонь². Вторым по счету был соляной круг: белые крупы падали на землю, словно снег.

Опустив пылающую часть пламенника в землю, я провела тлеющим, еще жарким углем третий круг. Вокруг плясали тени. Кален и Мара были рядом, но я чувствовала себя одной во всём мире. А больше – ничего особенного. Ни гнетущего чувства, что предаю богов, принося жертву тому, кто проклят. Ни вины за тайный обряд. Только страх, что ничего не получится.

Достав из мешка склянку, я пролила кругом воду, взятую из почти пересохшего пруда. Мертвая вода для павшего бога, четвертый круг замкнулся. Зачерпнув из мешочка пепел жертвенной лошади, я растерла его между пальцев и нарисовала пятый круг.

Остались воздух и земля – и круги будут замкнуты. Потом только кровь. Дрожащими руками не сразу получилось выбить искру, чтобы поджечь пучок трав. Рядом, дразня, горел

---

² Противосолонь – о направлении движения; против хода солнца, то есть против часовой стрелки. (Здесь и далее – примечания редактора.)

уже недоступный мне огненный круг. С третьего раза травы занялись, и я приподняла руку с вереском. Пронося тлеющие травы по кругу, старалась не спешить, создавая неверный шестой круг стихии воздуха. И, наконец, зачерпнув могильной земли, я, двигаясь всё так же противосолонь, замкнула финальный, седьмой круг.

Преграды из проложенных кругов казались незначительными, но, встретившись поверх них с обеспокоенным взглядом Калена, сжимавшего в объятиях всхлипывающую Мару, я поняла, что они очень-очень далеко. Мара, словно почувствовав мой взгляд, отняла лицо от груди парня и ободряюще улыбнулась. Кален же выглядел настолько расстроенным, что мне это казалось просто несправедливым. Будто бы он не хотел счастья для меня.

Вернувшись к обряду, я достала череп лошади и поставила в середине внутреннего круга. Дело за главным. В кармане платья лежал наточенный нож. Опустившись на колени, я надрезала палец и начертила кровью Велесов знак на лобной кости черепа.

Верхушки деревьев зашевелились, лес взволнованно зашептал.

– Крови... – шумели деревья, и земля вторила им: – Крови...

Лезвие прошло вдоль предплечий легко, движение вызвало лишь короткую вспышку боли. Я наблюдала, как заструилась и закапала моя кровь с пальцев. Это было даже красиво.

Красиво и жутко. Я подумала, это не займет много времени. Для верности провела ладонями по земле, позволяя крови свободно течь, впитываясь в почву. Еще, еще немного. Ветер задул яростными порывами, взметая мои волосы, огненный круг заплясал всполохами.

– Ягишна! – крикнула Мара, ее голос слышался издалека. – Хватит! Этого достаточно.

Но она была не права. Я продолжала, пока земля не прекратила требовать. А после, словно во сне, повторно приложила нож к предплечьям, но уже плашмя, и провела вверх. Порезы странным образом затянулись, а потом стих ветер и наступила мертвая тишина.

Должна ли я получить знак? Хоть какое-то небольшое подтверждение, что обряд удался или же... провалился.

Мара не знала, что случится после всех действий. Я ждала удара молнии или дрожи земли, но всё было тихо. Ну хоть что-нибудь...

Ты знаешь, знаешь ответ, Ягишна.

И я правда знала. Ответ был глубоко внутри меня, но это было страшно. Будто вернуться в ночь годичной давности и принять темную, злую, жестокую сторону меня. Воздух рывками вырывался из моей груди, сердце бешено стучало. Я должна принять это. Темная сторона меня – тоже я. Я сделала полный успокаивающий вдох и на выдохе вытолкнула внутренние оковы. Я обратила взгляд внутрь себя.

Какая-то часть меня корчилась, сопротивляясь. Часть,

воспитанная бабкой. Трусость показать всем свою сущность. Стать той, кого боялись, презирали, преследовали. Но другая часть, гораздо сильнее и яростнее, рвалась наружу. Я – дитя этого мира, и миру придется смириться.

Ветер сотряс кроны деревьев. Земля содрогнулась. Молния ударила прямо мне под ноги.

Я чувствовала *это*.

Кровь стучала, толкалась во мне, ей в такт пульсировало нутро. Неведомая сила пробудилась в районе живота и потащила за собой, словно на крюке. Я была ничем. Я была всем. Каплей росы, стекающей по травинке; воздухом, жадно вдыхаемым норовистой кобылой в поселении далеко на севере; раскатами грома, сотрясающими небеса; кровью, медленно сочащейся в почву; огнем полыхающих лучин; деревом, растущим в лесу; сердцем – судорожно застучавшим после года молчания.

Я была повсюду в одно и то же время. Слишком много, слишком полно, слишком сильно. Казалось, еще секунда – и разорвет от всеобъемлющей мощи. Но, отзвучав каждой нотой, каждым запахом, каждым всплеском чувств, сила вновь сосредоточилась в районе живота и мирно, удовлетворенная, вздохнула. Внутри меня.

Открыв глаза, прислушалась. Я чувствовала *его*, слышала *его*. Владан звал, и мое бедное сердце радостно рвануло к нему. Подняв ладонь ковшиком, я поспешно зачерпнула воздух. И земля, повинувшись приказу, поднялась и, перелетев

за пределы колдовского круга, упала, разлетевшись комьями грязи. Я посмотрела на любимое лицо, которое не видела так давно.

Он лежал там, в яме. Кожа была неестественно бледной в свете огня. Плечи всё так же широки, но фигура потеряла былую мощь. Будто какая-то часть тела растворилась, словно он голодал долгие годы. Но это всё еще был он. Волосы знакомо золотил свет огня, и я была почти уверена, что, несмотря на изменения, кожа по-прежнему сохранила россыпь веснушек. Это были *его* большие ладони и резкая линия подбородка.

Я легко взмахнула рукой, и он оказался прямо передо мной, но словно спал, стоя ногами на земле. Мне так хотелось услышать его голос, что в груди заныло.

– Владан, – тихо позвала я. При звуке моего голоса он широко распахнул глаза, и я с сожалением поняла, что из них исчез чистый цвет голубого неба, сменившись темнотой ночи. Но это всё еще был он. Его взгляд выражал доселе не знакомый мне вид голода.

– Ягишна, – проворкотал он родным голосом и потянул ко мне руки.

После чего обхватил мои плечи, склонил голову будто для поцелуя и впился в горло. Я не успела выдавить и звука от потрясения. Я почувствовала его холодные, как сталь, губы – и вот моя кожа уже надорвалась под напором его зубов. Кровь текла из меня в него, даря жизнь. Это и была цена.

– Ягишна! – я слышала крики Калена и Мары, которые будто находились на другом краю мира. Им ни за что не добраться до нас.

– Думаю, этого достаточно, Владан, – раздался незнакомый властный голос. Зубы тотчас исчезли с моей шеи, и я ощутила чувство потери. Жизнь и сила остались со мной. Я чувствовала себя слабее, но более живой, чем весь последний год.

– Ягишна, – голос Владана звучал умоляюще. – Прости, прости меня. Я не знаю, что это...

Он обхватил меня, сжимая чуть крепче, чем я могла бы вынести. Но я не собиралась жаловаться. Он выглядел страдающим, и мне это не нравилось. Протянув к нему руку, я постаралась пальцами разгладить морщинку между бровей. Кровь – это ничего. Для него не жалко и крови, и жизни.

– Со временем ты привыкнешь к жажде, – продолжил незнакомый голос.

Нехотя я оторвала взгляд от Владана и посмотрела в сторону говорившего. Это был высокий стройный мужчина в длинной накидке, держащейся под подбородком очень хитрой застежкой, яркой и сверкающей. В тонких, но мужественных чертах лица незнакомца было что-то хитрое и насмешливое. Рядом с ним плакала Мара, а Кален стоял с окаменевшим лицом.

– Наконец-то мы встретились, дорогое создание, – обратился мужчина ко мне.

– Кто ты? – я постаралась говорить с угрозой, чтобы этот незнакомец понял: могу сражаться. С новоприобретенной силой я больше не буду жалкой и плачущей девочкой в грязи.

– Разве не ко мне ты взывала с просьбой о нем? – усмехнулся мужчина, указывая на Владана.

– Велес, – прошептала я, но падать ниц не спешила. Определенно, сейчас стоит поговорить о цене, а потом решить, благодарить или проклинать павшего бога.

– Да, милое дитя, – напевно произнес он, и эта манера говорить кого-то напомнила. – Ты – один из моих любимых замыслов. Мою племянницу Морену и ее прекрасного друга, которого я зову Царем Кашеем, ты уже знаешь, – он любезно указал на Мару и Калена. – Они были неоценимо полезны для моего плана, – и добавил, насмешливо глядя на парня: – А ты всё костенее и костенее. Ужель Богиня Смерти готовит хуже матушки?

Кален дернулся к Велесу, но Мара повисла на нем, рыдая, и закричала мне:

– Ягишна... прости нас! Прости! Я так сожалею!

– Ох, она всегда так легко привязывается к... людям, – насмешливо прошептал Велес мне, но он был не настолько хорошим актером, как думал. В каждом его слове слышалась боль. – Тебе и правда не в чем винить наших голубков. Я их заставил. Морене было искренне жаль отнимать жизнь Варвары, а потом она рыдала как безумная, когда несчастный Кален-царь подзуживал толпу, опьяняя их жаждой распра-

вы. Но такова *их* цена, что скажешь, – пожал плечами темный бог.

– Ты обманом добился нашей службы! – взывала Мара. – Обманул меня и отца. А мы были семьей!

– Милая, *кто* виноват, что от добровольного участия ты отказалась, когда я предложил? – это был явно старый спор, и Велес выглядел скучающим. А я всё еще пыталась осознать, что во всём, что случилось со мной и Владаном, была часть вины Калена и Мары. И силилась разобраться, что именно это значило для меня.

– Ты замышлял против Верховного Бога и хотел, чтобы я помогала! – Мара была в ярости.

– Ой-ой, *«замышлял против Верховного Бога»*, – передразнил ее Велес. Он хотел выглядеть иронично-веселым, но слова его задели. Я видела, как напряглись его желваки. – Этот Верховный Бог не моргнув глазом вышвырнул тебя из мира Прави. Даже не дал объясниться, насколько помнишь. А ты была его любимой дочерью. Хотя... у моего братца очень специфическое представление о любви. Этот Верховный Бог ослепил тебя в наказание и обрек на вечные скитания в мире смертных. И ты еще понятия не имеешь о других его поступках. Против *этого* милосердного и доброго Верховного Бога я замышлял? – невинно продолжил он.

Мара открыла и закрыла рот. Слезы всё еще текли по ее щекам. Это было похоже на семейную ссору – слишком человечно. Они оба страдали от сказанных слов, но не слыша-

ли друг друга.

– Достаточно, – рявкнула я, не осознавая, что подняла голос на высшее существо. – Не стоит при мне заставлять Мару плакать. Я могу разозлиться.

Да, она помогала ему против воли. Да, Кален и Мара служили Велесу. Но они заботились обо мне. Они были моей семьей.

– Она может разозлиться, посмотрите вы на нее! – пропищал Велес как будто моим голосом, после чего ледяным тоном продолжил: – Не стоит угрожать тому, кто в разы сильнее! Думаете, я здесь злодей?!

Он повернулся к Маре и начал надвигаться на них с Каленом, сопровождая каждое слово обвинительным жестом указательного пальца.

– Я говорил тебе: твой отец не тот, за кого себя выдает! – рыкнул бог. – Вся его власть построена на лжи. Весь его образ – обман! Я открыл тебе правду, а ты хотела донести на меня! Хотя я годы покрывал твою связь со смертным!

– Ты подставил нас! – с гневом выкрикнул Кален. – А потом заставил служить и совершать мерзкие поступки.

– Ты как был глупцом в своей смертной жизни, так и остался, – сокрушенно вздохнул Велес. – Кем бы ты был, смертный – восьмой сын? Я подарил тебе вечную жизнь. Ты уже тридцать лет как должен скитаться в мире Нави, а там, я уверяю, не сильно весело. А что груз бессмертия слишком тяжел – так об этом нужно было подумать до того, как хле-

бать Живую воду!

– Ты забрал мою душу! – закричал юноша, а Мара порывисто стиснула его ладони. Мне стало жаль их всех. Они были несчастны в своей злости и обидах.

– Ох, все души кому-то да принадлежат, – проворчал Велес. – Вон их души тоже мои, – он указал на нас с Владаном, который в ответ на эти слова крепче сжал мою руку. Еще немного – и сломает. Но я не собиралась жаловаться. – Не вижу, чтобы рыдали и рвали на себе волосы. Ты просто злишься, что пошла глупая людская молва, что твоя смерть в иголке. А иголка – в яйце. А яйцо-о-о... где? В медведе? Запомню. Но ведь и не я придумал эту дурную сказку, – хихикнул он, а Кален смертельно побледнел, и я наконец поняла смысл шуток Велеса. Этот чахнувший вид, изможденный взгляд... Он и правда похож на Кащея – костяного царя, про которого тут и там идет молва. Интересно, про нас с Владаном тоже придумают сказки? Ведь мы теперь тоже... бессмертные.

Да, мне было жаль их, этих человеческих богов и полубогов, но не настолько, чтобы продолжать наблюдать за семейной склокой. Я хотела покинуть круг и ближайшие полвека провести с любимым, не отходя ни на шаг. Осталось только выяснить, как остановить его жажду выпить мою кровь досуха.

– Никак, – внезапно ответил Велес, словно прочитал мои мысли. – Иначе вас бы здесь не было, дети мои.

– Дети... То есть... то есть мы – твои дети? – я ничего не

понимала.

– Я не являюсь вашим отцом в прямом смысле, – заметил Велес. – Но все вы – мои творения, и я создал вас не просто так. Всё это имеет смысл, и даже не такой уж подлый, как вы с Каленом думаете, Мара, – казалось, что он говорит искренне. – Я создаю семью, чтобы рука об руку править мирами.

– Свергнув Перуна, – ввернула Мара.

– Свергнув Перуна, – согласился бог. – Если бы вы увидели всю картину целиком – а когда-нибудь будете готовы увидеть, – тогда вы поняли бы, что Перун умеет лишь владеть, забыв о других. Думая лишь о себе. Такой бог уничтожит жизнь. Для него люди – лишь жалкие создания, которые служат его целям. Разве такого бога достойны миры и человечество?

Мара нахмурилась, а Кален серьезно задумался.

– Мое время сегодня заканчивается, – продолжил Велес. – Я не могу, подобно вам, жить в мире Яви. Соглядатаи, которых приставил ко мне Перун, не дремлют. Мне нужно собственное воинство, и вы станете моими руками, вы будете моими глазами. Пусть сейчас вами руководят страх и повинность. Но в один из дней вы разделите мои убеждения. В день, когда расскажу правду. А сейчас поговорим о служении.

Я перевела дыхание. Началось. Вопрос цены.

– Ягишна, – Велес повернулся ко мне. – Ты чувствуешь силу внутри. Я выбрал тебя как самую способную ведунью и

с помощью обряда крови превратил в первую ведьму в мире. Бери учениц. Чем больше ведьм обучишь, тем проще будет управлять своей силой. Она уже не покажется тебе столь... всеобъемлющей. Понимаешь?

– Какова цена этой силы? – спросила я.

– Цена? – удивился Велес. – Свою душу ты отдала мне, когда выкосила деревню, заставив бедняжку Морену изрядно запыхаться. Вы – мои дети, повторю, и вы ищете мне последователей. Чем больше людей поклоняются мне, тем слабее Перун. Ты, Ягишна, будешь прародительницей ведьм.

Не так уж плохо, как я думала.

– Владан, ты – воистину редкое создание. Я знаю, что сейчас твоя тяга к крови почти невыносима, – продолжил наш новоиспеченный отец. – Но чем больше ты создашь детей ночи, тем легче будет подчинить жажду. Кровь отныне – твоя сила. Распоряжайся моим даром с умом. Создай большую армию, но обращай людей осторожно, дабы не превысить численностью, так скажем, кормовую базу, – закончил он, поморщившись.

– То есть моя цена – вечная жажда? – уточнил Владан.

– Да-да, а еще вечная жизнь, неуязвимость и несколько умений, из-за которых можешь страдать целую вечность, – ехидно заявил Велес.

– Для бога ты ведешь себя очень по-человечески, – удивился любимый. – У меня еще вопрос. Мы можем жить вместе с Ягишной, не разлучаясь?

– Это следующее мое задание, – отвечал бог. – Вы с Ягишной отправитесь туда, где поклоняются другим богам, и будете жить и копить сведения. Пятьдесят лет в одном месте, сорок – в другом. Мы должны найти слабые места у союзников Перуна. Но это небыстрая работа. Впереди у вас много лет обычной жизни. Не привлекайте внимания, набирайте учеников и учениц в каждом поселении – но лишь среди надежных людей.

– Я, в свою очередь, хотела бы, чтобы Мара и Кален были рядом, – заметила я.

– Ягишна, неужели ты можешь простить нас! – закричала Мара и бросилась ко мне, ее брови жалобно подскочили. – По нашей вине тебе столько пришлось пережить. Я думала, ты возненавидишь нас!

– Возненавижу? – я искренне удивилась. – У меня никогда не получалось быть своей среди людей. Почти всю жизнь я получала лишь тычки и плевки. Кроме Владана, со мной почти никто не разговаривал – пока не прихватит хворь, конечно. Думаю, что Кален только пробудил настоящую сущность этих людей, Морена.

– Мне больше нравится, когда меня зовут Марой, – она снова мне подмигнула. Ее подмигивание могло стать моей любимой частью дружбы.

– Прекрасное воссоединение, – заметил Велес со смешком. – Тебе, дорогая племянница, предстоит продолжать свою работу. Хотя я понимаю, что она не всегда приятна.

Калинов мост без тебя совсем не тот, – его голос вдруг стал серьезным. – Надеюсь, теперь можно, как это говорят люди, пойти на мировую?

– Я подумаю над этим, дядя, – осторожно сказала Мара.

– Если ты хочешь верных союзников, Велес, – решительно подал голос Кален, – я бы советовал строить отношения, исключаяющие издевательские прозвища.

– Как скажешь, дорогой зять, – примирительно поднял руки бог. – Для тебя есть особая задумка, связанная с небольшим моим культом на севере. Они хоронят своих мертвых *внутри* деревьев, ожидая, что я приду к ним и подарю новый облик. Разве не восхитительная фантазия! – восторженно заключил он.

Я хотела возразить: я хочу, чтобы Мара и Кален были недалеко, а не на севере. Но Велес, предугадывая мое недовольство, добавил:

– Вы не единственные создания, которым я хочу дать жизнь, – он повернулся ко мне. – И чем дольше разлука, тем радостнее воссоединение.

Я не знала, куда нам следует отправиться с Владаном в первую очередь, и вопросительно посмотрела на Калена. Тот пожал плечами, будто соглашаясь ехать куда скажут. Я не знала, готов ли он простить Велеса. Мне кажется, что двадцать лет вражды не растворяются в один миг. С другой стороны, Мара была их связующим звеном. Я не сомневалась, что подруга Велеса простит – если уже не простила. Да, нам

еще много предстояло узнать, и сейчас все действия бога были сомнительными и недобрыми. Но всегда ли добро приходит в белой накидке, сверкающей чистотой? Может быть, иногда самые темные и ужасные события влекут за собой свет и благоденствие?

Я обвела взглядом новую семью. Мы все были странными в прошлых жизнях, отвергаемыми родными и односельчанами. И вот мы здесь, заплатив каждый свою цену, стали частью чего-то большего. Страдала ли я, жалела ли о потере человеческой сущности? Вряд ли. Я знала, что не каждому участнику нашего сговора этот переход дастся так же легко, но у нас есть время примириться с новой жизнью и с самими собой.

– Я должен покинуть вас, – заключил Велес. – Проще всего связываться через Мару. Я сообщу, если будут какие-то новости или изменения в планах. При каждой возможности я стараюсь обвести моих соглядатаев вокруг пальца, потому надеюсь на скорую встречу. Я ожидаю от вас великих дел, а от нашего замысла – справедливости.

С этими словами павший бог растворился в воздухе, а на горизонте занимался новый день, знаменуя начало моей новой жизни.

II. Первородный

1. Год 423 от Сотворения Столпов

Сверкающая колесница с белобородым мужчиной, пражущим белоснежными лошадьми, выглядела донельзя неуместно в царстве серости и теней. Казалось, что само солнце посетило край, изголодавшийся по теплу и ласковому свету. Колесница катилась, и всё вокруг, едва попав в ореол сияния, преображалось. Деревья зеленели молодой листвой, примятая трава вспыхивала сочно и насыщенно, небо из пепельно-серого становилось ярко-голубым, а воздух – таким пронзительным и прозрачным, что можно было разглядеть пылинки, парящие в полуденном зное. Но как только колесница проезжала дальше, свет, что принесла, она увозила с собой. Краски меркли, деревья уныло роняли ветви, листва моментально жухли, сохла трава. Серые тучи заслоняли небо, в воздухе повисал липкий туман. В подземном мире нет места жизни. Лишь увядание и смерть.

Колесница всё катилась и катилась молнией света по бесцветному и унылому миру, пока не доехала до каменистого обрыва со скамьей на самом краю. На скамье сидел мужчина. Он выглядел куда моложе белобородого, был рыжеволос и красив той красотой, что мужчинам не свойственна, раз-

ве что высокородным. Но весь его образ был будто припорошен пеплом, скрадывая яркость волос и делая взгляд зеленых глаз тусклым и плоским. Рыжеволосый был облачен в черный плащ, который скрывал всю фигуру, и лишь камни на золотой застежке под подбородком, что складывались в узор, переливались всеми цветами, отражая сияние колесницы.

– Что ты там высматриваешь, брат? – недовольно протянул белобородый, остановив колесницу у обрыва. Мужчину покорило, что его приближение не было оценено должным образом.

Рыжеволосый вздрогнул, будто всё это время пребывал вне своего тела, и медленно повернул голову. Его глаза на секунду зажглись яростным светом, но можно было предположить, что это лишь отблеск сияния брата коснулся жителя Подземного мира.

– Ты не забываешь своего павшего брата, друг, – молвил рыжеволосый с почтением, а после поднялся со скамьи и поклонился. – Благодарю за эту милость.

– Ну полно, – повелительно махнул белобородый, но глаза его сверкнули жадой большего. – Столько лет прошло. Ты верно служишь. Да и, сказать по правде, я пристрастился к нашим неспешным прогулкам и беседам.

Мужчина соскочил с колесницы и приблизился к брату, который почтительно преклонил колено.

– Давай же пройдемся, – он поспешно похлопал рыжево-

лосого по плечу, безмолвно позволяя оставить условности. – Я хочу многое рассказать.

– Я в нетерпении, – сдержанно ответил его брат, распрямляясь и следуя за белобородым по тропе вдоль обрыва.

– Дела идут неплохо, – отвлеченно пробормотал белобородый. – Недавно совершал путешествие по миру Яви. Остановился в поселении на берегу моря, там последние сто лет обитает один из Молодых богов со своей избранницей. . .

– Должно быть, прекрасное место, – учтиво поддержал беседу рыжеволосый. Глаза его снова недобро сверкнули, но собеседник был слишком увлечен рассказом.

– Да-да, место и правда очень удачное. Быстро растет население, много подвластных душ, – скороговоркой выпалил белобородый. Серебристые глаза его зажглись жадным огнем. – И Молодой бог обзавелся женой.

– Вот так так, – протянул рыжеволосый, осознавая, к чему идет.

– Да, прекрасная Сва, – алчно прошептал белобородый. – Видел бы ты ее. Перья – что солнечные лучи. Лицо неопишущей красоты.

– И ты возжелал. . . полюбил, – вовремя поправился рыжеволосый.

– Полюбил? – хохотнул его брат. – Можно и так сказать. Взял силой.

Желваки рыжеволосого заходили ходуном, но он сдержался.

– Вот как? – голос его звучал ровно. – Не будет ли... проблем?

– Да какие!.. – небрежно отмахнулся белобородый. – Я беру по праву сильного. Птенцов она назовет дочерьми Молодого бога.

– Даже так? – удивился рыжеволосый. – Времени даром не теряешь. Но ты уверен, что эта Сва сохранит всё в тайне? Я беспокоюсь за тебя, брат. Новые войны, ты знаешь, вспыхивают быстро, если какие-то сведения, даже ошибочные, окажутся не в тех руках.

– Ты прав, – белобородый внимательно взгляделся в лицо брата. – Стоит лишь вспомнить, как тебя обманул наш отец и прочие Старые боги.

Краска, какой бы скудной она ни была, схлынула с лица рыжеволосого. Он стал напоминать мертвеца, но лишь почтительно кивнул в ответ на лживые слова.

– Ты слишком милостив ко мне, – смиренно прошептал рыжеволосый. – И прочие предатели могут решить, что ты пощадишь любого.

– Ерунда, – легкомысленно фыркнул белобородый. – После последней войны никто не решится тягаться со мной. Всё пустое. Другое дело... поселения растут и начинают смешиваться. Путешествуют для обмена товарами, задерживаются в чужих домах, влюбляются, совокупляются. Так через лет двести наступит совершенный бардак. Мне это не нравится.

– Безусловно, это неудобно, – согласился его брат. – Ха-

осом сложнее управлять. Но людям нужны разные вещи и продукты для жизни – так уж глупо они устроены.

– Знаю-знаю, – нетерпеливо вздохнул белобородый. – Всё еще не избавился от своей странной увлеченности смертными, а? Хорошо помнишь их повадки.

– Память – всё, что мне остается здесь, – сдерживая ярость, рыжеволосый снова поклонился брату. – Хорошо бы тебе иметь подвластный клан, который будет заниматься обменом и торговлей по всему миру. Ты сможешь поселить этих людей в своих городах, и они будут всегда под присмотром.

– Ха! А идея хороша, – воскликнул белобородый, но сразу же нахмурился. – Но они разнесут ненужные знания, как заразу, по всем... повсюду.

– Заставь их молчать. Любыми способами, – как бы вскользь бросил рыжеволосый. – Скажем, наложим печать молчания... во время ритуального отсечения языка.

– Ни дома, ни собственной судьбы, ни семьи. Мотайся, перекажи-поле, по мирам, служи богам, храни тайны... Да кто же захочет возглавить такой непривлекательный клан и будет верно служить?

– Тот, кто в еще худшем положении, – спокойно ответил рыжеволосый.

– Не хочешь ли ты сказать... – яростно сощурился блистательный Бог. – Наш отец останется здесь, проклятый и заключенный в тюрьму за свои злодеяния!

– Тут ты абсолютно прав, – послушно согласился рыжеволосый. – Но – просто предположим – если бы отец был при деле, скован обетом вечного молчания и под приглядом твоих жрецов в самом твоём поселении... Не было бы это бóльшим наказанием, чем просиживать вечность во вполне себе удобной тюрьме, наслаждаясь спокойствием?

Белобородый недовольно поморщился, но его брат заметил, что зерно упало в благодатную почву, а потому замолчал и принялся ждать. Некоторое время братья вышагивали в полном молчании, немного натянутом, но не враждебном. Сделав большой круг по горному плато, боги вернулись к скамейке, у которой возвышалась сверкающая колесница. Запряженные в нее кони беспокойно били копытами, словно торопили хозяина пуститься вскачь.

– Твое предложение не лишено смысла, – белобородый наконец прервал молчание. – Все твои советы обычно играли мне на руку. Я подумаю и дополню эту идею своими собственными.

– Даже эта идея родилась благодаря тебе, брат, – учтиво поклонился рыжеволосый. – Я внес лишь малый вклад.

– Ну-ну, – буркнул сияющий бог, но весь его вид лучился самодовольством.

Больше не сказав ни слова, белобородый взлетел на колесницу и, стегнув лошадей, умчался в небесную высь. Солнце покинуло Подземный мир вместе с ним. Лицо рыжеволосого бога было искажено ненавистью, пока он смотрел вслед уда-

ляющемуся брату.

– Отец, – почти неслышно прошептал рыжеволосый.

– Да, мой возлюбленный сын, – древний старик появился, казалось, из ниоткуда.

– Хорошо было слышно нашу беседу? – спросил его рыжеволосый.

– Да, – кивнул старик. – Почему он так откровенно делится с тобой всеми планами и рассказывает об отвратительных поступках, которые вершит?

– Кто же поверит павшему богу? – усмехнулся сын. – А говорить богу с кем-то да надо. Даже бессмертному тяжело жить, когда окружил себя теми, кто однажды уже сверг своего правителя.

– Доверие – вещь, незнакомая твоему брату, – сокрушенно прошептал Старый бог.

– Что есть, то есть, – согласился с отцом старший сын.

– Думаешь, он поддержит такую рискованную идею? – любопытствовал старик.

– Согласится, – усмехнулся рыжеволосый. – Слишком жаждет властвовать разделяя.

– Час отмщения близок! – вскричал Старый бог.

– Если бы это было так, отец. Если бы, – пробормотал сын. – До отмщения еще очень и очень далеко. Это лишь первый шаг. К счастью, я терпелив и у меня впереди целая вечность.

Рыжеволосый странным нежным жестом погладил за-

стежку своего плаща, словно она была живым существом и могла почувствовать ласку.

2. Год 439 от Великого Раскола

Лес заговорил со мной, когда мне было двенадцать. Я знал, что стану вождем, с самого рождения, но услышал лес лишь в свою первую охоту. Даже сейчас я помнил всё так, словно это случилось вчера. Уже не мальчишка, но еще не мужчина, я крался по заснеженному лесу след в след за дедом, пытаюсь запомнить всё, что он говорил. А еще больше силился приметить и запечатлеть в памяти то, что он не упоминал вовсе. Осторожность, неспешность, мягкая поступь. Дед двигался, не издавая ни звука. Я же ломился через лес с таким треском, словно бежало стадо зубров, хотя изо всех сил старался повторять движения деда и на моих ногах были прикопотки³, дабы заглушить скрип снега под неловкими шагами. Как деду удавалось ступать без единого звука в обыкновенной обуви, я понять не мог. Он был великим охотником и вождем по праву. Кочевой образ жизни только с виду кажется легким, но, попробовав оседлости, я мог сказать, что кочевая жизнь – опасная. Постоянно начеку, в напряжении. Кому пожелаешь каждый день, до краев полный страха? Возможно, именно поэтому дед был слишком мягок с моим отцом, из которого не вышло ничего путного. Когда отец пропал, старика некому было сменить, и он слишком дол-

---

³ Прикопóтки – шерстяные чулки или бахилы у северно-сибирских народностей. Их надевают поверх обуви, чтобы передвигаться по снегу более бесшумно.

го нес бремя власти. Даже будучи недостаточно опытным, я понимал, как это тяжело, в таком-то преклонном возрасте. А дед, как ни крути, уже считался старым. Пятьдесят – не шутки. Таких пожилых у нас было немного, и они жили в отдельном, самом большом чуме, были освобождены от дел, разве что иногда помогали с готовкой или несложными делами по хозяйству. Все уважали и почитали старших. Если ты сумел остаться в живых, значит, умен и хитер. Правда, к этому возрасту не все из них дружили с рассудком. Как мудрый и опытный человек может поглупеть? Это было для меня загадкой.

– Не переставай тренировать свой ум, Улак, – говорил мне дед. – В этом их беда. Ум – оружие воина, охотника и любого, кто хочет остаться в живых. Когда угасает ум, в теле не остается сил бороться за жизнь.

Я верил деду. Он единственный во всём поселении имел отдельное жилище и не лишился своего положения к такому преклонному возрасту. Да, плечи его были не так широки, как в былые годы, но поступь оставалась мягкой, голос – властным, а глаз – зорким. И дед всегда оказывался прав. Как только ум стариков притуплялся, следовала неминуемая смерть. Обычно глупая. По невнимательности.

Увлечшись размышлениями, я чуть было не налетел на спину деда, который замер на полшаге посреди оленьей тропы. Словно нутром почувствовав мой испуг, дед обернулся и пронзил меня взглядом. В его глазах не было недовольства

или злости, но я всё равно поежился.

– На охоте думай лишь об охоте, – произнес он одними губами.

Я виновато кивнул и посмотрел туда, куда дед указывал пальцем. Кора у дерева была стесана, словно кто-то чесал свои рога на пути к поляне, где вдоволь росло лишайника. Дед сделал еще два шага и, присев бесшумно, приблизил лицо к земле. Лужа мочи растопила припорошивший землю снег, не успев подернуться льдом. Дед жестом велел следовать за ним и быть тише. Я старался изо всех сил, но навыков не хватало. Стадо кормилось, а значит, было начеку. Приблизиться нужно было чуть ли не нос к носу. Сегодня погода благоволила нам: облака заслонили луну, но снежный покров был настолько чист, что всё равно было недостаточно темно. Поверх наших шкур красовались выбеленные накладки. Мы сливались со слабо мерцающим снегом. И, конечно, крались с подветренной стороны.

Мне хотелось ухватиться за оберег и взмолиться Велесу о милости. Страшно оставить голодным всё поселение. Но я боялся сделать лишнее движение, чтобы не помешать деду. В этот самый миг внутри меня разлилось тепло, слух словно бы обострился, и я мог поклясться, что услышал хриплые вдохи и выдохи, поскрипывание снега под копытами животного, которое переступало с ноги на ногу, пока кормилось, и размеренное причмокивание. Мой слух, обоняние и зрение стали острее. Всё чувствовалось, будто тело настроилось и

внимало лесу. Я видел, как ноздри деда, который дышал в такт с животным, дернулись и он с показавшимся мне оглушительным свистом выдохнул и превратился в живую статую. В этот самый момент ветви кустарника раздвинулись, показалась морда оленя. Животное размеренно пережевывало ягель, слегка торчавший изо рта, тянуло морду и мимоходом обрывало можжевельниковые кусты. Я знал, что в следующий момент олень отодвинется и у нас будет лишь несколько секунд. К нашему счастью и к несчастью оленя, это не самое зоркое животное в мире – хороши у него только нюх и слух, и сейчас нас спасал легкий шелест ветвей на ветру и выгодное нам направление порывов холодного воздуха. Этот олень слишком увлекся, набивая брюхо, и отошел от стада, скрывшись от внимания сородичей.

Движение, которым дед вытащил лук, я даже не успел заметить. Вот оленин нос шевелился, влажно поблескивая, а после морда повернулась влево, но вместо глаза животного я увидел лишь оперение стрелы, глубоко вошедшей в голову. Вот так быстро и ладно. Олень, не успев издать ни звука, повалился набок, сминая ветви. Дед, не теряя ни секунды и уже не таясь, подошел ближе и выстрелил второй раз – в сердце, чтобы наверняка. Самец издал слабый утробный рев и через несколько мгновений затих. Он был крупным; я бы даже сказал, огромным. Не похоже, что стадо голодало. Это удача. Послышался испуганный нестройный вскрик нескольких глоток, затем пара мгновений тишины, а после

топот. Но это уже неважно, пусть бегут. Со всех сторон стадо окружали охотники. Быть может, животные неслись сейчас прямо на кого-то из соплеменников и сегодня повезет не только нам. Скорее всего, таков и был план.

Странная острота зрения пропала, и мир вернулся к привычным чуть приглушенным запахам и звукам. Я почувствовал потерю, но размышлять было некогда: нужно было мастерить волокуши, чтобы доставить тушу в деревню. Путь предстоял неблизкий. Дед тем временем опустился перед величественным животным на колени и попросил прощения, вознося также благодарность Велесу за ниспосланную пищу. На моей первой охоте не случилось ничего интересного. Позже я узнал, что и не должно было. Хороший охотник просчитывает все наперед, не оставляя шанса случайностям и неожиданностям. Только долгая засада, стальная выдержка и умение ждать. Охота не битва, незачем издавать боевые кличи. И чем быстрее ты убьешь животное и принесешь извинения жертве за отобранную жизнь, тем скорее боги снова обратят на тебя благостный взор. Мой дед умел убивать добычу быстро и стрелял точно, а также всегда искренне печалился об оборвавшейся жизни. Это я перенял от него. Мне даже не пришло в голову интересоваться, каждый ли вождь слышал лес или это только мой дар. Для меня связь с лесом по умолчанию была неразрывно связана с принадлежностью к роду вождей. Какой вожак без тайного знания?

Прошел не один месяц с первой охоты, прежде чем моя

рука оборвала жизнь животного. И когда меня сразу же после этого вывернуло наизнанку, дед не стал браниться. Лишь положил руку на мое плечо и сказал, что, раз есть скорбь от убийства, душа моя жива. Без мяса поселение умрет от голода, а хороший вождь должен заботиться о своих людях. Мой дед был хорошим вождем и со всем рвением воспитывал достойного преемника. Я же боялся, что во мне больше от слабого отца, чем от стального деда.

Точно так же, как после первого убийства, меня мутило ровно через год, когда я готовился связать себя с дочерью шамана. Мне стукнуло четырнадцать, и было уже просто неприлично оставаться без жены. В тот день дед с усмешкой смотрел, как я содрогаюсь над ведром для помоев. Мне было совсем не смешно. Но дед шутил и подначивал, обещая, что ночь после обряда связывания гораздо приятнее убийств. Оказалось, дед не всегда прав. Улла, которой я не мог спокойно взглянуть в глаза с тех пор, как нам исполнилось по одиннадцать, была до того красива и надменна, что мне в голову не приходило свататься к ней. Мне вообще не хотелось свататься. Но наши судьбы были решены на собрании. Будущий вождь и преемница шамана – прекрасный союз для племени. Но я беспокоился не об этом. Она скорее отравит меня в первую же ночь, чем станет покорной женой. Улла была настоящей бестией. Каково же было мое удивление, когда, оказавшись в моем чуме, девушка залилась слезами, вздрагивая всем телом. Она повалилась на шкуры, а я

стоял как дурак, не зная, с какой стороны подступиться. Я даже не думал, что она умеет плакать. И еще терзался мыслями, чем вызваны ее слезы – отворачиванием из-за выбора наших родичей или чем-то другим.

В ту ночь она так и уснула, обессилев от слез, а я сидел рядом, не решаясь приблизиться к шкурам и лечь с женой. Первые слова наедине мы сказали друг другу лишь через неделю. До ласк добрались лишь через год, а до постели – и того дольше. Я был терпелив. Хороший охотник всегда терпелив и бывает за это вознагражден. *Это* было и вправду лучше, чем всё, что случалось со мной прежде. После Улла долго смеялась и говорила, что в первую ночь у меня был такой испуганный вид, что она сразу поняла: я никогда не причиню ей вреда. И это правда. Я боготворил ее. Впервые взяв на руки сына, я вознес хвалу Велесу за продолжение нашего великого рода, но на самом деле больше всего меня волновало, в порядке ли моя жена. Но Улла была сильной – под стать правой руке будущего вождя.

На следующее утро после моей свадьбы у нас появился путник. Дед, увидев вошедшего в его чум для вознесения почестей странника, сам пал перед ним ниц. До этого я видел деда коленапреклоненным лишь во время молитвы.

– Кто этот человек? – спросил я, как только шаман увел гостя из чума деда, чтобы разместить Путешественника со всеми удобствами.

– Это не человек! – отрезал дед. – Нас почтил внимани-

ем Старый бог, посланник воли сына своего Велеса, который призывает нас на службу. Скоро мы узнаем, что происходит во всём мире. А после нас ждут перемены.

Странник был нем и жестами объяснил, что его стоит звать Путешественником. Он принес сыпучие порошки, которые назывались специями и делали пищу ароматной и пряной. А еще дед вызнал у него, как изменился мир за долгие годы, которые мой народ провел на севере, в изгнании. В Столице научились усмирять молнию, сказал дед. Впервые в жизни я видел его таким радостным: он был словно юнец, смастеривший свой первый деревянный кораблик. Это изменит мир, уверял дед. Он говорил, что пришло время для служения истинному богу. Я недоумевал. Как можно изменить мир с помощью молнии? Неужто молния способна излечивать болезни, сделает очаги в домах безопаснее и развеет тьму ночи? Молния заставит коней скакать быстрее, а людей – быть более сытыми?.. Ерунда какая-то.

Когда странник покинул нас, дед стал задумчив. Мало говорил и всё чаще хмурился. А через несколько седмиц провозгласил на общем собрании, что мы больше не будем кочевать. Нужно пускать корни, объявил вождь. Мир ждут изменения, и мы должны быть готовы. Я ничего не понял из всех этих речей, кроме того, что привычная мне с детства жизнь теперь изменится. Так оно и случилось.

Но дед не был бы великим вождем, если бы не делал всё решительно и со знанием дела. Уже через пять зим никто

и не вспоминал, что когда-то мой народ был кочевым. Мы словно приросли к земле, на которой обосновались. Я как будущий вождь был благодарен деду, что эту тяжелую ношу перемен он взял на себя. Потому что не был уверен, что смог бы перевернуть все традиции так же гладко и с наименьшими потерями.

В день, когда дед сделал последний вздох, я рыдал на плече Уллы, пока никто не видел. Но прежде провел прощание, собственными руками завернул тело деда в белую ткань и похоронил в дупле самого большого дерева Роши Перерождения. Я попрощался с ним стойко, и голос мой в прощальной песне ни разу не дрогнул. Вождь не должен быть слабым в глазах своих людей. Улла же была не только женой, но и другом, с ней я мог быть мягким и дать слабину. Она умела ценить это. Мне уже девятнадцать, я стал взрослым мужчиной, охотником, потом отцом и, наконец, вождем.

Я ждал как положено, по традиции. Не верил, конечно, что даже такой великий вождь, как дед, сможет победить смерть и вернуться в облики волка из-за черты. Никто еще не возвращался. Но в те дни мне *хотелось* верить. Кому, как не деду, быть Избранным из старых легенд. Но минуло девять дней со смерти вождя, и бремя власти перешло ко мне. Тяжелая ноша, которую трудно осилить одному. Улла была рядом, но порой я спрашивал себя: говорит ли во мне слабая кровь моего отца или же дед тоже постоянно мучился неразрешимыми вопросами и чувством вины?

Не был ли я слишком строг, рассудив ссорящихся соседей? Правильно ли распределил еду между жителями поселения в одну из самых лютых зим? Стоили ли голодные смерти нескольких слабых того, чтобы выжило все поселение? Не распространилась ли болезнь, выкосив всех младенцев, потому что я отказался перенести заболевшего сына из семейного чума в знахарский? Иногда эти мысли сводили с ума.

Но оказалось, что меня ждали такие события и деяния, после которых ответственность моего правления покажется легче перышка. Оказалось, я понятия не имел, насколько могут быть тяжелы последствия принятых решений и чувство вины. Там, дома, обнимая перед сном жену, я казался себе взрослым и мудрым. Но правда заключалась в том, что, разменяв третий десяток, я так и остался наивным юнцом.

3. Год 445 от Великого Раскола

Вокруг простиралась тьма. Ледяной воздух обжигал обнаженную кожу, и я, сколько бы ни всматривался в темноту, не мог разобраться, где нахожусь. Я ощупал голой ступней землю, в пятку впиалась острая ветка. Неужели... неужели я среди ночи выбрался на улицу? Я ощупал себя, убеждаясь, что, кроме набедренной повязки, на мне абсолютно ничего нет. Насколько далеко от чума я ушел? Спутанные со сна мысли прояснились на холоде, но, как ни силился, я не мог вспомнить, какое время года сейчас. Слишком темно для зимней ночи, залитой снегом, и слишком холодно для лета. Что же было перед тем, как я провалился в сон? Я еще раз огляделся. Всё так же не видно ни зги. Я начал аккуратно продвигаться на ощупь, пытаюсь понять, в какой части поселения нахожусь и как добраться до нашего семейного чума. Надо же! Никогда не ходил во сне.

На следующем шаге запнулся обо что-то и повалился вперед, врезавшись лбом в твердую поверхность. Из глаз полетели искры, и руки инстинктивно вытянулись. Я обнял ствол, кора была шершавой и холодной. В испуге я отдернул ладони, словно обжегся. Голова всё еще гудела. В поселении не было деревьев! Неужели я вышел из-под защиты ограждения?

В тот же самый миг тучи разошлись и луна осветила мест-

ность. Я в панике огляделся. Это был лес... Судя по всему, самая глухая его часть. Деревья росли довольно плотно, тут и там виднелись бугорки подтаявшего снега. Раздался шорох, а затем влажный чавкающий звук. Дерево, о которое я чуть не раскроил череп, заслоняло обзор, и я одновременно прижался к стволу ближе, но сместился вбок, чтобы видеть источник звука. Я был совершенно беззащитен. Если это дикий кабан, мне может не поздоровиться.

Но это был волк. Я облегченно выдохнул. Велес берег меня. Встретить волка – благословение: они всегда помогали моему народу. Мои плечи расслабились, и я присмотрелся внимательнее. Сильный самец, но один, без стаи. Зверь склонил морду к земле и пил, жадно причмокивая. Его шерсть была богатой – густой и темной, лапы – мощными, а тело – сильным. Нечасто встретишь такое красивое создание. Волк, словно услышав мои мысли, вскинул морду и посмотрел прямо на дерево, за которым я прятался. Из ощеренной пасти падали вязкие, почти черные капли. Сердце ухнуло прямо в желудок. Это была не вода. Под волком белели разорванные тряпки, а в них – младенец. Тельце младенца. Зверь рвал малыша на куски и питался.

Волк утробно зарычал и наступил передней лапой на ребенка. Младенец забрыкался и истошно заорал. Я дернулся, будто меня ударили. Не может быть, не может быть, не может быть... Ребенок всё еще... жив?

Зверь вновь склонил морду и принялся рвать несчастно-

го на части. Ребенок захлебнулся криком и затих. Я, наконец преодолев ужас, рванул вперед, хотя и понимал: слишком поздно. Подскочив к зверю, впился в загривок в попытке оттащить от растерзанного младенца. Но мой взгляд упал на разорванные тряпки и остатки вышивки на них. Кулак, вцепившийся в жесткую шерсть, разжался, и, хватая ртом воздух, я повалился на землю. Точно такие узоры вышивала Улла на пеленках нашей дочери. Нашей... дочери... Я разинул рот, силясь закричать, только бы не слышать, не видеть, не знать... Последнее, что увидел, – обгаренные кровью моего ребенка клыки, щелкнувшие перед самым лицом. Яростный страшный крик наконец разорвал воздух, а после... Темнота.

Я резко сел. Пот стекал ручьями, было невообразимо жарко. Я метался из стороны в сторону, пытаюсь вырваться из лап зверя, пока не понял, что у волка не может быть прохладных нежных пальцев. Волки не напевают «ш-ш-ш-ш, Улак... тишетише». Но тело всё-таки вырвалось из нежной хватки, работая вперед головы. Я уже занял боевую стойку, пытаюсь оценить соперника. С нашей постели на меня встревоженно смотрела Улла. Она была обнажена, волосы спутаны, а вокруг царилась ночь. Воздух разрывали сдавленные хрипы, и лишь несколько мгновений спустя я понял, что именно я и дышу как загнанный зверь.

– Улак, – тихо прошептала Улла, протягивая руки ко мне. – Это всего лишь сон, дорогой муж. Вернись в мои объятия.

Я заозирался. Сын посапывал в кровати, он спал крепко, ночной переполох не разбудил его. Очаг тлел и давал слишком мало света, но я чувствовал, что дома мирно и покойно. Это был кошмар. Всего лишь страшный сон.

Содрогнувшись всем телом, я пополз на коленях к Улле и уткнулся лицом в ее выпирающий живот. Наша дочь еще даже не родилась. Это был только сон, глупый сон.

Но жизнь нашего племени научила, что сны вождя не бывают глупыми. И, задохнувшись, я прохрипел в беременный живот шамана нашего народа:

– Я видел волка... – не в силах выговорить слова, я затих.

– Продолжай, – мягко ответила жена, погладив мои волосы. Я почувствовал, как моя дочь дернула ножкой в безопасности материнской утробы. Маленькая пятка ударила меня точно в висок, а Улла зашипела, бормоча что-то о несносных девчонках.

– Волк причинил вред... нашей дочери, – выдавил я.

– Улак, – жена засмеялась. – Сегодня полнолуние – не время для вещих снов. А наша дочь еще даже не пришла в мир. Ее судьба ведома лишь богам.

Слова Уллы успокоили меня, но лишь немного. Я подтянулся и обхватил жену. Она поерзала, поудобнее устраиваясь в моих объятиях.

– Спи, – сонно прошептала она. – С нашей дочерью всё будет в порядке. Мы позаботимся о ней. Но наговор лишним не будет.

– Куда ночь, туда и сон, – скороговоркой пробормотал я, поглаживая живот Уллы. Я не так сильно верил в наговоры, как прочие в племени.

Жена быстро провалилась в глубокий спокойный сон. Как и в первую беременность, видения покинули моего шамана. Дарить новую жизнь – само по себе чудо. А как любила говорить Улла, она способна лишь на одно чудо за раз. Я поморщился, не желая вспоминать сон, но страшная картина так и всплывала, стоило лишь закрыть глаза. У меня никогда не было дара ясновидения, да и в поведении волка из кошмара не было никакого смысла. Абсолютно неправдоподобно, что животное могло напасть хоть на кого-то из нашего народа – тем более на беззащитного и маленького. Волки – священные животные клана. Они помогают и оберегают нас. Если повстречал волка в чаще – это благословение Велеса и большая удача. Чтобы волк загрыз невинного младенца, я и представить не мог. Скорее, зверь принес бы ребенка к поселению и оставил у ограды, если бы каким-то образом тот оказался ночью в лесу. И откуда только такие мысли, ставшие сном, возникли в моей голове?

До самого утра я не сомкнул глаз, снова и снова прокручивая в воспоминаниях кошмар. Было в этом что-то зловещее: сколько бы я ни гнал образы окровавленной морды зверя и растерзанного младенца, они вновь и вновь возникали передо мной.

Но стоило солнцу встать из-за холмов, вместе с ночью в

небытие канули и все страхи. Уже к обеду я и не вспоминал о мрачном сне: слишком много дел и вопросов, которые нужно уладить. Природа готовилась заснуть до следующей весны. Начиналось время охоты. Мужчины во главе со мной готовились к долгому походу. Олени ушли еще севернее. Мы умеем охотиться на расстояниях, но в этот раз стада удалились уж слишком. Они скоро доберутся до края мира и свалятся в бездну. Я не хотел видеть черное ничто, о котором рассказывал дед. Да и людям это не нужно. Не у всех нервы настолько крепкие, чтобы заглянуть в вечную пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.